

ДРОВОСЕК

ИЛИ
ЧЕЛОВЕК, СУМЕВШИЙ
НАЛОМАТЬ ДРОВ

Игорь Сотников

книга первая

16+

Игорь Сотников

**Дровосек, или Человек,
наломавший дров. Книга первая**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сотников И.

Дровосек, или Человек, наломавший дров. Книга первая /
И. Сотников — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Преступление - это всегда итог. А вот итог чему? Или, может быть, это начало чего-то нового, глобального? В этом и попытаются разобраться герои романа — один всё знает и полон ответов, второй тоже всё знает, но полон вопросов. Автор рисунка: Дарья Левчук.

Часть 1. Запутанная история

– Некто из страны Чень собирал однажды хворост, как вдруг встретил оленя ослепительной красоты, он погнался за оленем и убил его. Боясь, что кто-нибудь его увидит, он поспешно спрятал оленя в яме и прикрыл листьями подорожника, ликуя и радуясь своей удаче. Но вскоре он забыл место, где спрятал оленя, думая, что всё это ему приснилось, он отправился домой, бормоча что-то под нос по поводу случившегося.

Тем временем рядом случился человек, подслушавший его бормотание; следуя его словам, он пошёл и нашёл оленя. Вернувшись, он сказал жене: «Дровосеку приснилось, что он припрятал оленя, но не знал, где именно, а я нашёл оленя, значит, его сон не был действительностью».

«Это ты спал, – отвечала жена, – и тебе приснился дровосек. Убил ли он оленя? И есть ли вообще такой человек? Это ты убил оленя, иначе как бы сон стал действительностью?»

«Да, ты права, – согласился муж. – Это я убил оленя, поэтому не так уж важно, дровосеку ли приснился олень или мне приснился дровосек».

Когда дровосек вернулся домой, то стал досадовать о потерянном олене, и ночью ему приснилось место, где был спрятан олень, и тот, кто унес его. Утром он отправился на виденное во сне место: всё подтвердилось. Он предпринял шаги, чтобы вернуть свое имущество в законном порядке; по окончании слушания дела судья вынес следующее решение: «Истец начал с подлинного оленя и мнимого сна. Далее он заявляет о подлинном сне и мнимом олене. Ответчик подлинно овладел оленем, который приснился, но по его словам, – олень приснился истцу, и теперь ответчик пытается удержать добычу. Согласно же мнения его жены, и олень, и сам дровосек – только часть его сна, поэтому оленя не убивал никто. Всё же поскольку убитый олень лежит перед вами, то вам ничего не остаётся, как поделить его между собой».

Когда император государства Чень услышал об этом происшествии, он воскликнул: «Судье, верно, самому приснилось всё это дело». – Продолжая смотреть на красное зарево утреннего неба, закончил свой рассказ Край.

– И к чему это ты рассказал? – спросил Края, сидящий рядом с ним на пригорке, его товарищ Риск.

– Разве рассказанная история обязательно должна быть предвестником или же причиной бури? – спросил Край. – И разве она сама по себе, без привязки к другим событиям, не может в отдельности существовать.

– Тогда ни к чему ... – А вот закончить эту свою фразу Риск не потрудился и, поднявшись с места, оставил Края одного домысливать её.

ГЛАВА 1

Человек находчивый

– Терпеть не могу когда в таких случаях, в основном в дешёвых сериалах про копов или ментов, говорят, что я мол не люблю такие дела. – Со злостью выпуская дым из сигареты, с тем же яростным откровением к окружающим людям, где особенно дымно досталось новому помощнику следователя, с именем под стать помощнику и по совместительству стажёру, Фома, зарядил себя и заодно раскалил атмосферу следователь Свят. – А я их просто ненавижу! – Яростно добавил Свят, пнув ногой валяющуюся на грязном тротуаре банку из под какого-то энергетика, чем вызвал повышенный интерес к себе и к банке со стороны следственного коллектива, занимающего делом, а не как он бездельем – все находящиеся здесь люди в тот же момент перевели свой взгляд на эту покотившуюся по грязному тротуару жестяную банку, и так до тех пор, пока она не уткнулась в мусорный бак.

Но ему всё можно, в том числе пинать и плевать на улики, и никто его в этом не упрекнёт и не сделает замечание: «Мол, какого хрена, ты, козёл, пинаешь улики?!», – ведь ему, а не им, всего-то техническому персоналу следственного отдела, распутывать это, само собой загадочное преступление.

– Строят из себя и не пойми что... – Свят на этом месте осёкся и внимательно посмотрел на своего помощника, который может быть уже проявил усердие и догадался раньше него, кем себя возомнили те преступники, которые, по мнению Свята, занимаются таким строительным бизнесом. Но Фома, по всей видимости, на такие мелочи не разменивался, – а строят все эти преступники, как всем известно, саморазрушающиеся вавилонские башни, – а сразу зрил в самую глубь, и поэтому его физиономия так выглядит настырно глупо (хотя возможно, что он выглядел совсем обычно, но таковы реалии жизни – все стажёры и подчинённые для своего вышестоящего начальства или наставников, так выглядят, а они сами уже в свою очередь для своего начальства в таком естестве представляются), то есть его не переубедишь иначе выглядеть и мыслить, и у него нет никакого ответа на этот немой вопрос Свята.

И конечно Свят, как это обычно бывает, недооценил своего помощника и звучно сплюнул в его сторону, мол, тьфу на тебя, бездарь. После чего вернулся к своей недосказанной мысли, служащей для него путеводной нитью для его размышлений.

– Думают, что они самые умные. – Заставив напрячься, обезоружил этой новостью Фому Свят, вновь внимательно посмотрев на него, пытаясь понять, так же ли он считает, и если он считает себя за глупца перед этими достаточно хитрыми, чтобы заставить так думать Фому преступниками, то готов ли он на деле доказать, что так на счёт него не следует думать.

Но Фома всё также непревзойдённо неизменчив в выражении своей целеустремлённости, и это его упорство в себе, как ни странно, а впечатляет Свята и даёт ему надежду на то, что он своим не пробивным лбом расшибёт не себя, а лбы этих хитроумных преступников, которым уж точно не устоять перед таким упорством Фомы – если они сделали ставку на свой интеллект, против интеллекта Фомы, то им даже не стоит пытаться устоять перед твердолобым интеллектом Фомы.

– Так и думают, где бы обойти закон и при этом так, чтобы за собой не оставить следа. – Попытался завести себя Свят, что ему было очень необходимо для своего настроения. – Все на месте преступления оставляют следы, а мы дескать преступники продвинутые, и пойдём другим путём. И не только не оставим следов на месте преступления, но и срежем лишнее. Тьфу, противно слышать и видеть. – В отвращении скривил лицо Свят, заметив за собой, что смотрит на распластавшийся на грязной мостовой подворотни обезображенный труп молодой девушки. Над которой неизвестный злодей или злодеи, до выворачивания наизнанку некоторых особо впечатлительных сотрудников жутко потрудились, и вместе с волосами с головы срезали все её отличительные черты.

Что вызвало у Свята новый приступ затмения или просветления, что в его случае не поймаешь по причине отсутствия разницы. – Да за кого эта сволочь меня считает?! – сжав в своих руках попавший в них отворот пиджака Фомы, нервно спросил его Свят.

И, пожалуй, на этот раз этот вопрос был излишним. Когда ответ на него лежит на поверхности и хорошо, что не лица Фомы, чья невыразительная неприступность для его понимания Святом, не раз спасала его от гнева этого придирчивого оперативника. И если уж ты ищешь прямых ответов, то раскрой свои глаза и посмотри вокруг на это замызганное бомжами и другого рода отребьями общества место, этот конечный пункт назначения для потерявших свою последнюю надежду на обретение личности окончательно обезличенных своим образом жизни людей. Где местной достопримечательностью служат лишь баки для мусора, а не как можно ошибочно подумать, мусор и грязь – они, эти баки, своего рода эпичные памятники этому жизненному обустройству. А как ещё их классифицировать, ведь это практически тоже самое, что на мусорной свалке установить эти баки для мусора. И в это место, а по обыденному в подворотню, единственно, что и вступает, так это либо нога последнего подонка, либо оперативника типа Свята, которому не следовало бы делать только одного – задаваться этим, почти что риторическим вопросом.

Но он им задался и ничего с этим не поделаешь, как и с тем, что Свят плевать хотел на то, что о нём думает самый обычный преступник: «Я поступаю так, как мне заблагорассудится, а ты, козлина, подолгу и по долгу своей службы». А вот такого рода Нежить, с какой он сегодня по долгу своей службы должен иметь дело, его до скрежета зубов выводит из себя. И поэтому его вопрос не стоит рассматривать так поверхностно и он более многослоен, чем кажется на первый грязный взгляд.

– Я ему что, бесплатный государственный психоаналитик?! – выпустив из своих рук пиджак Фомы по причине их крайней необходимости в деле поддержания своего равновесия жестикуляцией, Свят продолжил выяснять отношения с неизвестным преступником. – Его знают мучают и терзают сомнения на свой никчёмный счёт, и он таким образом реализует или кто его знает, может ищет себя, – а в таких случаях они почему-то всегда действуют по одной схеме, решают покопаться в головах других людей или в самих них, – а я получается, страдаю из-за этого гада бессонницей и, погружаясь во всё большее отвращение к людям (а я их может быть не ненавижу, а всего лишь претерпеваю, а некоторых даже люблю), разбирайся и ищи то, что он там в себе потерял и найти не может. Экономист чёртов. – Свят обрызгал тротуар своей слюной и вновь посмотрел в сторону трупа. Ну а Фома, за кем была закреплена вся бумажная работа, уже знал, как будет именовать подозреваемого преступника в своём отчёте – Экономист.

Свят между тем уже вернулся обратно и обращается к Фоме. – Слушай. – Одёрнув себя от трупа совсем молоденькой девушки, обратился к Фоме Свят. – Что-то мне эти психологи от преступности совсем заморочили голову, и в голову лезут одна другой дурнее мысли. – Здесь Свят замолчал и обратился к себе за ответами. При этом Свят видимо считал, что для того чтобы разобраться в себе и во всём остальном, нет лучше средства, чем дымовая завеса, раз вновь обратился к этому средству в свой карман. И если насчёт самих средств доставки, дыма, больших затруднений не возникло, то за огонь из запасной зажигалки отвечал Фома (а в таких экстренных случаях, с вызовом на место преступления, она только и работала – основная зажигалка после ознакомления Свята с тем, что его с самого начала работы ждёт под трупным мешком, летела в свои дребезги об стену дома).

И как только Свят сделал первый вдохновляющий на новые мысли вдох, то он, потемнев в глазах от мысленного вдохновения, глядя на Фому заговорил. – А что если посмотреть на это дело с обратной стороны, как это делают в математике, используя свои доказательства «от противного». – И надо сказать, что Свят знал, о чём говорил, он уже давно, не только по делу и без дела, а уже и по привычке, которая есть вторая натура (а это заставляет задуматься над ролью призвания Свята в выборе своей достаточно требовательной к себе, с необходимой для неё самодисциплиной и самоконтролем профессии), на себя примерял роль плохого парня и этот костюм ему был впору.

И при этом надо полагать, что ему было определённо легче, чем его помощнику Фоме, всего лишь стажёру и значит новичку, в таком опасном деле по перевоплощению себя в преступную личность, где так легко впасть насчёт себя ошибку и переступить ту грань, которая отделяет его, оперативника, от матёрого преступника (ну, перевоплотиться в матёрого преступника по плечу только лишь матёрому оперативнику, каким был Свят, а Фоме пока что можно рассчитывать только на малоавторитетного бандита первохода).

И на этот раз дымная мысль Свята достигла-таки сознания Фома, поинтересовавшегося у Свята. – Как это?

– Эта идея не нова, – не спеша, рассудительно заговорил Свят, – такой подход к раскрытию преступлений, где ты бы вставал на место преступника, использовало множество выдающихся следователей и детективов. Да тот же Ломброзо, Фантомас или наш Степан Григорьевич. – На этом месте Фома заволновался и, как показалось Святу, не то чтобы засомневался, а не поверил ему. Ну а когда доверия нет между практически напарниками, то это ни к чему

хорошему не может привести, и Свят просто не имеет право на то, чтобы всё вот так оставлять без ответа.

К тому же в этом своём, достаточно спорном заявлении, Свят, не зря так всё перемешал, поставив в один ряд таких разных личностей. Он не просто терпеть не мог всех этих выдуманных сверхгениальных сыщиков от пера, всяких там Конан Дойлей, и чертовски смекалистых детективов Честертоновского типа, а предпочитая всем им своих родных, из своего отдела знакомых оперов, Свят таким смешением разнокалиберных личностей в одно, пытался прошупать своего помощника Фому на предмет его предпочтений – зная на кого нравственно (Свят всегда глубоко копал) ориентируется Фома, можно будет сразу понять самую важную вещь – сработаются они или нет.

И он для строгого начала прищуривает свой левый глаз, а это уже должно насторожить Фому, после чего откидывает в сторону выкуренную сигарету и с налётом равнодушия интересуется у Фомы, в чём собственно, козёл, сомнения.

– Насчёт первых легендарных личностей, я ничего против не имею – Ломброзо непревзойдённо рисовал преступников, а Фантомас искусно их изображал, – но вот насчёт Степана Григорьяча я не уверен, и у меня имеются большие сомнения и претензии к его стилю ведения дел.

– Что, опять папкой с делами по голове получил? – засмеялся в ответ Свят.

– Не пойму, что тут смешного. – Обиделся Фома.

– Вот именно не поймёшь. А Степан Григорьяч между тем, для твоего блага старается, вбивая в тебя не только мысли об усердии, без которого в нашем деле никуда, но и давая возможность понять и запомнить, сколь тяжела и ответственна наша служба. Ведь он тебе даёт по голове не просто папкой, а папкой полнёхонькой преступными личностями – оттого она кажется такой тяжеловесной, а были бы там одни ангельские личики, то и папка была бы как пушинка – готовых, как говорил всем известный Глеб, ради этой папки на любого рода должностное преступление. А ты ещё не доволен тем, что тебя ею уму разуму учат. – Сказал Свят, внимательно посмотрел на Фому и вдруг выказал себя с необычной для Фомы стороны – он выступил в роли умудрённого знаниями наставника.

– Вот как ты думаешь, – вдруг переменяя свою тональность разговора, и как показалось Фоме, и своё лицо, обратился к нему Свят, – чем мы здесь все занимаемся?

И хотя Свят обратился к Фоме с самым обычным вопросом, на который всегда отыщется ответ, он между тем вызвал у Фомы свои затруднения. И это вполне понятно, ведь с этим вопросом к тебе обращается твой начальник, а начальники всегда что-нибудь своё да подразумевают в этих, только на первый взгляд простых вопросах. И не получится ли потом так, что ты ответив не то, что от тебя ожидают услышать, – а по сути твой ответ был верен, – тем самым повергнешь своего начальника в размышления насчёт своего недалёкого будущего, в постовые. Так что прежде чем дать ответ на этот самый простой вопрос, нужно хорошенько над ним подумать.

Но Свят скорей всего сам любил находить и давать ответы на свои вопросы, и он не дожидаясь того, когда Фома сообразит, что ему ответить (а он по-своему сообразил, не дав ему ответ), заговорил. – Ответ на мой вопрос лежит в двух плоскостях. Внешней, на публику и для внутреннего потребления. – Сказал Свят. – Так для внутреннего потребления – мы все хотим доказать, что мы чего стоим на этом свете. Ну а для внешнего потребления – мы ищем очередные доказательства истинности науки под названием криминалистика. Да-да, всё так и можешь даже не удивляться. – И хотя Фома удивился тому, что сказал Свят, всё же он ни единым движением своего лица себя не выдал. И получается, что Свят решил его просто остроумно поддеть – любого вида наставнику, даже самому созерцательному, хочется видеть хоть какую-нибудь реакцию на свои слова со стороны своих учеников. Хотя бы для того чтобы видеть по какому пути идёт его ученик – в пропасть безграмотности или по верному пути, в коан

хлопка одной руки. Но в этом плане Святу не повезло с учеником и ему приходится самому учиться понимать его – хотя бы в этом Фома переплюнул своего наставника.

– Основой любых доказательств для разного рода наук, в том числе и для криминалистики, всегда служит опыт. И если практические действия, опыты, ведут к тому, что вероятность того или иного события стремится к очевидности или наоборот, к её ничтожности – мы в тысячный раз на опыте проверили это, и значит дальше не имеет смысла прибегать к такого рода доказательствам (кто-то решил, что для признания истинным того или иного утверждения, такого количества опытов хватит – на основе чего он принимал это решение, не ясно) – то значит, что мы, наконец-то, выковывали в опыте истину, на основе которой и создаётся свой научный постулат, а он в свою очередь становится тем фундаментом, на который опирается вся наша наука доказательств.

– Так и наша наука, – продолжил Свят, – криминалистика, изучающая закономерности приготовления, совершения и раскрытия преступления, где мы числимся младшими научными сотрудниками, а вернее теми лаборантами, кто ещё практикуется, не достигнув той монументальности старших научных работников при погонах, которые всё больше пишет научные работы, претендуя на докторские звания, выстраивает свою доказательную базу на основе ряда факторов: следов и почерка преступника, улики, этих аксиом, процессуальных и следственных действий, и тому подобной вероятности. – Свят перевёл дух и, вернувшись в прежнего себя, раздражённого обитателями своего ореола существования типа (а здесь уж он сам себя должен винить, его никто не заставлял ореолить именно здесь), язвительно заявил:

– Ну а то, что проведённый в тысяча первый раз опыт может показать совсем другой результат, то это, как оказывается, как-то нелогично предполагать и значит, не стоит и пытаться провести этот опыт, если тысяча предшествующих опытов настаивали на своём ином результате. Так что наша наука, как и все другие, наука вероятного и ничего большего. – Подытожил своё введение в теоретический курс науки под названием криминалистика Свят. После чего в ожидании глупых вопросов от своего чуть ли не сказал, ученика, посмотрел на Фому.

Ну а Фоме, даже если он слишком самоуверенный в себе стажёр, то есть всё знает и любого наставника за пояс заткнёт своим остроумием, чтобы не выглядеть в глазах своего наставника Свята ещё глупей – в чём-чём, а в этом у учеников бесспорно есть огромный потенциал – то он должен как минимум постараться что-нибудь придумать спросить. А то Свят может счесть его не только за самого глупого стажёра на свете, но и за наглеца которого свет не видел.

И Фома, озадачившись этой родившейся на пустом месте проблемой, начинает волноваться и щёлкать находящейся в руках... Хотел видимо зажигалкой, но она находилась у Свята, и пришлось щёлкать своими пальцами по понтовому. Что вызывает у Свята удивление и непременное желание спросить, что всё это значит. Но тут Свят, вдруг на ровном месте передумал и сам захотел щёлкнуть своей зажигалкой, чтобы само собой продолжить туманно мыслить.

После же того как Свят так незамысловато увёл себя от этого, честно сказать, глупого вопроса (а Фома как оказывается, чертовскимышлёный малый, раз сумел так ловко выйти из этой вопросительной ситуации), он решает, что все предварительные формальности соблюдены, и можно перейти прямо к телу. – Сейчас только докурю. – Сказал Свят и только после того как все приличия были соблюдены и выброшенный им окурочок был раздавлен тяжёлым ботинком Свята, он проследовал к трупу девушки, обнаруженному вначале голодными собаками, а затем одним из тех равнодушных к своему жилищу бомжей, которые ради своего комфортного уединения в баке для разного рода мусора и бомжей в том числе, готовы были даже на социально ответственные поступки – позвонить в службу уже, пожалуй, запоздалого спасения чьих-то душ.

Так подойдя к трупу девушки, частично накрытому полиэтиленовым пакетом, Свят с внимательным молчанием ещё раз сделал визуальный осмотр (первый осмотр привёл к тому,

что ему потребовалась эмоциональная пауза, там, в стороне) и на этот раз он не стал так горячиться и посылать всех к чёртовым родственникам, а уже с некоторым равнодушием присел на корточки рядом с бывшим лицом девушки, превращённым в кровавое месиво, и взявшись пальцами руки за край прикрывающего её пакета, к неожиданности Фомы усмехнулся.

– А ведь раньше их прикрывали простыми газетками. – Посмотрев на Фому, сказал Свят. – И знаешь, в этом была своя «соль». Так газетка с одной стороны прикрывала труп, а с другой, как бы это чернушно не звучало, служила по своему прямому назначению, источником информации. И скажу тебе откровенно, все эти послужившие в таком качестве газетки, ни одно дело помогли раскрыть. – И видимо дальнейшая информация, которой Свят решил поделиться с Фомой, требовала, чтобы её доносили до его ушей не под углом, а на прямую, раз он поднялся на ноги. После чего Свят, просветлев в лице, что всегда происходит при хороших воспоминаниях, продолжил свой рассказ:

– А ты представь себя у трупа какого-нибудь очередного героя криминальной хроники, который на этот раз оказался менее удачливее своих конкурентов и попал под перекрёстный огонь своих коллег по непростому бизнесу, который и свёл его будущие жизненные планы на нет, а самого положил лицом в эту грязь, под газетку. И при виде его трупа, и в голову ничего не лезет такого, что могло бы расшевелить мысль и убедить тебя, как следует подумать о том, ради чего он так скоропостижно, а может в самый раз, загубил свою жизнь.

И вот стоим мы с Григорьичем у прикрытого газетками трупа бандита местного значения, Вертлявого, которому стало тесно в своих пенатах и он решил стать бандитом регионального значения, за что видимо и поплатился (оттуда легче выйти в расход, чем войти). И нам совершенно не хочется смотреть на убогую рожу этого Вертлявого – а что мы там не видели, кроме дикой самоуверенности и наглости, которую он ещё вчера демонстрировал нам при задержании в ресторане на сходке (и даже не хочется задаваться вопросами о том, насколько бы его жизнь продлилась, если бы его под вечер не отпустили) – и думать не думаем, а постепенно фокусируем свой взгляд на эту прикрывающую лицо и сущность Вертлявого газетку.

Ну а там хоть новости и не свежие – газеты на эти лица поступают по мере своего устаревания, то есть прочтения, из личных архивов отвечающего в нашем отделе за людей после жизни, патологоанатома Абадрона Демиурга – но нам в нашем, практически тупиковом положении, любая мысль не будет лишней. И первое, что каждому из нас на глаза попадается, а надо понимать, что мы с Григорьичем находимся в разных положениях по отношению к укрытому газетками трупу – я с одной стороны, а Григорьич с другой – так это невыдуманные истории пикантного содержания от прямых их очевидцев. Что совсем не факт, хотя бы потому, что они так называются и печатаются в подобного рода жёлтых изданиях.

Но нам это в данный момент не важно, когда сквозящий юмор в этих невыдуманных историях-небылицах, уже подобрался к нашим животам и начинает их провоцировать на смеховые подёргивания, а мы сами уже не такие угрюмые, а вовсю светимся улыбчивостью. Но нами это не замечается, так как мы полностью погружены в чтение этих рассказов из первых, самых пошлых, когда либо слышанных мною уст.

И так бы всё это и осталось между нами, не показись мне последняя прочитанная мною история особенно замечательной, и требующей того, чтобы я непременно поделился с Григорьичем своим впечатлением о ней. И только было я, еле сдерживаясь от смеха, позвал по имени Григорьича, то в этот самый момент ко мне приходит понимание того, что, пожалуй, моё замечание насчёт сейчас прочитанного, будет точно не к месту.

Но уже поздно, и Григорьич с непроницаемым выражением лица уже смотрит на меня (а я то прекрасно слышал, что и он посмеивался в кулак) и ждёт от меня предложений по поводу рассматриваемого дела этого Вертлявого, а не как мне хотелось, по поводу того дела, до которого не доходили руки одного любознательного проходимца, который и поделился с читателями своей правдивой историей. Что ж, делать нечего и я в раздумье, а на самом деле, чтобы

оттянуть время (может Вертлявый в мышечном спазме шелохнётся и отвлечёт всё внимание на себя), начинаю чесать свой затылок, как вдруг, на второй прикрывающей рожу Вертлявого газетке, которую мы изначально обошли своим вниманием, замечаю пропечатанный портрет определённо чем-то известной личности, раз его рожа печатается под рубрикой самые известные и разыскиваемые люди нашего города.

– И эта убийственного вида рожа, пропечатанная в газете, спасает меня, а вслед за этим и Григорыча от очередного нагоняя от уже переполнившегося нетерпением начальника следственного отдела, полковника Петрония, когда он ему на стол подсунул портрет этого изувера краевого значения, Дитория Хмурого. Который как вскоре выяснилось, когда он дал признательные показания, и был замешан во всех противоправных действиях по отношению к бригаде Вертлявого, который всегда ему не нравился, и он его грубость терпеть не мог. – Свят усмехнулся и добавил. – В общем, в любом деле, а в нашем особенно, нужно быть ко всему внимательным. Да, кстати, насчёт газеток нашего патологоанатома, то мы не стали его убеждать изменить свои пристрастия к такого рода информативным газетам, с их освещением изнанки жизни людей. – Свят перевёл свой взгляд на лицо девушки и спросил Фому:

– Ну а теперь посмотри на неё и скажи, что ты видишь?

Фому на этот раз не может оставаться хладнокровным, даже после предваряющего этот вопрос рассказа Свята, который он скорее всего на ходу придумал, чтобы разрядить ту атмосферу угнетения и давления, которая всегда наваливается на любого человека, оказавшегося перед лицом звериной сущности того, кто такое сделал Это. И он с опаской за себя поворачивается и бегло смотрит на то, что осталось от лица девушки. После чего возвращается к Святу и даёт пояснение своему поведению. – У меня фотографическая память.

– Ну-ну. – «Поверив» Фоме, кивает ему Свят, продолжая на него смотреть, в ожидании дальнейших подробностей.

– Ориентируясь только на поверхностный взгляд, без необходимой экспертизы сложно делать какие-либо выводы, но я всё же попытаюсь. – Сказал Фома.

– Ну, попробуйся. – Поддержал Фому смешком Свят.

– Судя по структуре нанесённых повреждений больше похожих на рваные раны и разрывы, то скорей всего это дело зубов собак. – А вот это предположение Фомы определённо заинтересовало Свята, явно не имеющего фотографической памяти и, решившего ещё раз посмотреть на лицо девушки. И по тому его виду, с которым он вернулся к Фоме, можно было судить, что предположение Фомы ему не показалось натянутым на уши – хоть это и не к месту было сказано.

Свят, вернувшись к Фоме, выразительно, лицом дал тому понять, что почти что согласен с ним, но пока патологоанатом не даст своё окончательное заключение, всё же не может полностью поддержать его версию видения случившегося. Ну а Фома, получив от него такую новую поддержку, продолжил делать выводы. И при этом так слишком самоуверенно это делает, что заставляет по-особому задуматься над его экспертным мнением Свята. И как всегда в таких случаях бывает, это приводит к своему логичному итогу – ведь это между прочим, отвлекает более опытных товарищей, и они начинают уделять больше внимания не приведённым фактам, а искать на лице этого много на себя взявшего «эксперта», над чем тут можно посмеяться.

– Преступник этими своими действиями, которые он предпринял по отношению к жертве, не ставил перед собой цель скрыть следы своего преступления. А он скорей всего, преследовал обратное – он хотел кому-то что-то продемонстрировать. – Сказал Фома. На что Свят ожидаемо, правда, почему не ясно, кивнув в сторону стоящего у угла здания дома, а вернее сказать, перегнувшегося в себе и выворачивающего себя наизнанку, потерявшего своё лицо в бледности и во всём том безобразии, которое на него снизошло при встрече лицом к лицу с жертвой, начальника их отдела, майора Струхницкого, язвительно спросил. – Может ему?

Но Фома не обижается на Свята, он понимает зачем нужен этот профессиональный юмор с оттенком чернухи, который только и спасает их от чёрной меланхолии, и поэтому ничего не имеет против того чтобы записать майора в число тех, на кого делал свою ставку преступник, который скорее всего ничего не имеет против такого их предположения и даже порадует за майора.

– Если бы он хотел, чтобы мы не смогли опознать жертву, то он бы на этом не остановился и пошёл бы дальше, лишив её всех позволяющий идентифицировать личность частей тела. Да и было бы легче не срезать волосы и уродовать лицо (здесь Фома сам себе противоречит, он ведь ранее утверждал, что бездомные собаки погрызли ей лицо), а сразу ... – Но дальше Фома не решился озвучивать те возможности преступного элемента, которыми он не воспользовался, а проведя себя по шее рукой, таким образом навёл страха на Свята, который тут же отреагировал на это.

– Да ты Фома, страшный человек. – Сказал Свят. Но Фому видимо понесло и он вместо того, чтобы молча быть ещё более убедительным злодеем, своим ответом всё портит. – Я, – говорит Фома, – следуя вашему совету и, вживаюсь в роль преступника.

– А! Теперь понятно. – С долей разочарования сказал Свят. – А я уж было испугался за нашего преступника, которого ничего хорошего не ждёт после того как ты доберёшься до него. А ты, как оказывается, всего лишь притворялся жестоким и опасным типом, когда ты на самом деле, сама доброта. – И после таких слов Свята его уже бесполезно убеждать в своей жестокости и опасности, и теперь, чего бы ты не сказал и не сделал, всё им будет восприниматься за твоё желание опровергнуть это его мнение о тебе. И Фома всё это поняв, решил, что промолчать в ответ будет наилучшим решением.

Свят же, уловив в Фоме его склонность к обидчивой импульсивности, решает поинтересоваться у него, а так ли это. – Ты что, обиделся что ли? – включив в себе полное недоразумение, задаётся вопросом Свят. И, конечно, Фома не собирается признаваться в этом, пробубнив в ответ: Нет.

– Ну, тогда просвети меня наконец. Зачем всё это понадобилось проделывать нашему преступнику? – спросил Свят. Ну а Фома видимо настолько зол на Свята, что он вдруг сорвался и пустился в опасную авантюру, решив передразнить своего наставника.

Так Фома на глазах Свята закипает и начинает гневно истерить, чем привлекает к себе всеобщее внимание со стороны снующих туда-сюда сотрудников из следственного отдела, и даже майор Струхницкий отложил все свои рвотного характера дела и заинтересованно посмотрел на Фому.

– А я ему что, государственный психоаналитик, чтобы на основании его безумных выходов ставить ему диагноз! – с первых же своих слов Фома заставил Свята ошалеть в недоумении. – У меня быть может, тоже случаются свои затмения (безусловно и это происходит прямо в данную секунду), но я как-то сдерживаюсь и не веду себя подобным паскудным образом. – И Фома бы мог и дальше продолжить говорить, но он в один момент подхваченный за локоть стальной хваткой Свята, был остановлен в своём словоизвержении, и отведён им от греха подальше и в тоже время поближе к другому греху, на который судя по дёрганному виду Свята, он сейчас был готов.

И Фома, вдруг обнаружив себя ведомым Святом по грязному тротуару куда-то в глубины подворотен, вдали от живых людей, только сейчас понял, что он слишком далеко зашёл в своём подражании быть таким как Свят – ведь для того чтобы стать таким как он, одного подражания мало и нужно пережить множество чего, в том числе и покушений на свою жизнь и на нравственность, и на своей шкуре испытать, как это больно когда по ней режут по живому. И сейчас Свят скорее всего преподаст ему урок, и кулаками, а может даже и ногами, начнёт проверять его шкуру на прочность.

Ну, а чтобы Фома не сразу пал духом, то Свят как умелый стратег, на ходу начинает заговаривать ему зубы, даже соглашаясь с тем, что он там ранее сказал. – Как гласит закон Парето, 20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий – лишь 20% результата. А ты, ну и я вместе с тобой, несомненно, уже проделали всё то, что нужно, и пожалуй, там нам больше делать нечего. Ну а насчёт твоих слов, то я всё понял, на что ты там намекал. И, пожалуй, пойми мы, для чего всё это проделала та, по-своему безумная голова, то мы сумеем отыскать её. – На этом месте Свят остановился, посмотрел на Фому достаточно строгим взглядом, заставившим похолодеть Фому и почувствовать, как его спину обдаёт пронизывающий холод.

– Специально здесь, спиной у подвала меня остановил, чтобы сразу же с концами ног в этот мрак отправить. – Сделал для себя неутешительный вывод Фома, не сводя своего взгляда со Свята, в ожидании в любой момент от него резко толкательных движений.

Но Свят коварен и не торопится сталкивать Фому в подвал, чтобы он там кубарем скатился по ступенькам и окончательно нарушил равновесие в своей голове, а ему доставляет удовольствие его помучить ожиданием неизбежного и он для того чтобы самому не испытывать дискомфорт в этом ожидании, начинает говорить.

– Знаешь, у каждого сыщика имеется... – видимо это, своего рода признание, вызывало у Свята свои затруднения, и он вынужден был сбиваться, подбирая слова, – что ли свой метод или другими словами сказать, подход к расследованию преступлений. И я, можно сказать, не исключение. – На этих словах, а вернее откровении Свята, Фома напрягся, ожидая, что вслед за словесным откровениями последуют действенные откровения. Но Свят ничего себя такого не позволил, а продолжил говорить. – Я свой метод назвал последовательность Каина. – На этих словах Свята, Фома, не сдержав своего удивления, вытянул своё лицо. И хорошо, что Свят так увлечён своим рассказом и не замечает всех этих продолговатых изменений на лице Фомы, которого достойные удивления вещи никак не удивляют, а всякая мелочь, типа стремление Свята так эпично назвать свой, ещё надо посмотреть, что за метод такой, удивляют.

Свят же между тем продолжает свой рассказ. – То, что я иду по следу преступника и вынужден действовать рефлекторно, ещё не значит, что он идёт впереди меня. Он только в одном опередил меня – в своём преступлении. Но теперь у него нет того, что есть у меня – времени. И если я могу не спеша на месте преступления всё исследовать, то у него уже нет ни времени, ни возможности всё переменить, а это ему, даже в случае идеального преступления, как никак хочется – он раз за разом перематывает перед своими глазами все моменты своего преступления и начинает замечать те свои ошибки, которые он сразу на месте преступления не заметил. И это требует от него немедленных действий. – Свят перевёл дух и подвёл итог этой мысли. – Такое поведение характерно для преступника на третьем этапе преступления. И вот тут на свет появляется последовательность Каина, со своими этапами пути. – Свят для перехода к следующему блоку рассказа, сделал выдох и продолжил. – Ведь преступление состоит не только из самого преступления, а оно представляет из себя замкнутый на себе цикл обращения составляющих элементов преступления (без них всё может выйти в трубу паром), и включает в себя целый комплекс мероприятий: мотивировка со своей подготовкой, само преступление и подытоживание его результатов.

– И если первые два этапа для нас остаются в пределах домысливания, то на завершающей цикловой стадии мы имеем возможность вмешаться. – Свят решил сделать короткий перекур, который благодатно подействовал на Фому, решившего, что Свят успокоился и возможно уже забыл о его выходке с передразниванием.

Свят же, дав себе таким странным и достаточно небезопасным способом перевести дух, продолжил посвящать Фому в тайны своего метода. – Так на первом этапе, после своего преступления, преступник находится в состоянии некой эйфории от совершённого им преступления. И он ещё до конца не может поверить в то, что он совершил, и неужели он отныне не тварь дрожащая, а человек стоящий, хоть и весь дрожит и его от каждого шороха подбра-

сывает. И так пока это его состояние постепенно не перетекает во вторую стадию, с обуявшим его страхом, который полностью подчинил его и взял в свои тиски, и его сейчас заботит один только вопрос – найдут, не найдут. Но время умеет успокаивать и следом наступает третья стадия, и преступник начинает терзаться и мучиться в сомнениях в необходимости того, что он сделал. Хотя нет. Вначале он начнёт себя укорять за допущенные им ошибки и досадные промахи на месте преступления, которые он только сейчас обнаружил, перематывая события знакового часа. Но со временем, когда преступник начинает привыкать к действительности, где уже ничего им не изменить, то наступает четвёртый этап – принятие им всего как есть. – Здесь Свят специально для подчёркивания кульминационного момента делает паузу, и как только Фома по предположительному мнению Свята, оказался готовым выслушать финальную часть рассказа, перешёл к ней.

– Ну и как всему итог, преступник забывает об осторожности, а может, не забывает, а просто желает убедиться в своей неуязвимости, и специально лезет на рожон. И вот здесь-то, если раньше следы к нему не приведут, нам предоставляется наиболее удобный шанс взять его. – С таким взглядом, как будто прямо сейчас Свят схватил преступника, завершил он свой рассказ. Но Фома, даже несмотря на то, что он так и находился спиной к мрачному подземелью, не оценил его метод по достоинству и попытался найти в нём изъяны, спросив его:

– А не будет слишком поздно? Вдруг он ещё чего-нибудь натворит или вообще скроется с концами.

И судя по ответной реакции Свята, то он не то чтобы удивлён занятой позицией Фомы, а чуть ли не изумлён им. – Что-то я совершенно не пойму, на чьей ты стороне. На правильной, на стороне закона, или на не правильной, на стороне преступности? – так и читалось на лице Свята, угрожающе сжавшего свои руки в кулаки. Но видимо ещё не заостеневшее в такого рода преступных мыслях лицо Фомы, давало надежду на своё исправление, и пока что не кулаком в нос, а через словесное назидание, и Свят, так и быть, решает дать ему шанс на это исправление.

– Запомни одну главную вещь. – Заговорил Свят. – Преступление не считается законченным, если оно не завершило свой полный цикл пробега, что не касается случаев, если в них замешены люди характера поспешного и рецидивного, и с другого рода психологической хренью. И пока в конце всего дела из своего кокона не вылупиться своя фигуральная бабочка, то преступник не опасен для нас. Правда, это только теория вероятности.

– Бабочка говорите. – Задумчиво сказал Фома и, в забывчивости отступив назад, само собой споткнулся и полетел вниз в этот подвал. И не успел Свят и глазом моргнуть, как Фомы уже перед ним и нету. И ему теперь приходится, а это так на него не похоже, интересоваться судьбой своего помощника, обращаясь к этой темноте с вопросом. – Ну, ты как там?

Ну а Фома пока сам ещё не понял как там ему, и поэтому он пока что игнорирует этот служащий для занятия паузы вопрос Свята. А Свят между тем вдруг решил опровергнуть все эти несправедливые наветы на него: «Он думает только о себе», – со стороны бывших напарников, которых вначале угораздило стать его напарником, а затем в ловушку своей мнительности, приведшей их к падению себя в глазах Свята и главное в выгребную яму или чего похуже, и он, закулив сигарету, тем самым пытается осветить Фоме его бедственное положение.

И Фома по достоинству оценил эту помощь Свята, пару раз чертыхнувшись в его сторону: «Чёрт тебя возьми!». При этом, чтобы Свят не подумал, что Фома так его благодарит, он всё это замаскировал под своё спотыкание на грязных ступеньках, которые зачем-то решили противодействовать его подъёму и Фома пару раз споткнувшись, чуть было заново не упал. И только благодаря своему безжалостному отношению к своим рукам, которые Фома не побоялся сунуть вниз, в самую грязь, он не скатился ещё ниже, третий раз чертовски сильно поблагодарив Свята за его отзывчивость.

Правда третий раз всё же случился, но на этот раз Фома не стал выражаться, а как это делают нашедшие что-то достойное внимания открыватели, интригующе заворачивает: «Ого!», – и тем самым привлекает к себе внимание Свята, который всё же иногда бывает любопытен.

– Чего ого? – посмотрев в эту темноту, спросил Фому Свят, и тут же получил ответ на свой вопрос вылетевшей из этой темноты кроссовкой, которая упала у его ног. Свят же присаживается на корточки и изучающее смотрит на этот цвета бирюзы кроссовок, а как только на свет появляется Фома, то говорит. – А вот и второй. – После чего приподымается на ноги, смотрит на Фому и спрашивает его. – Ну и что ты насчёт всего этого думаешь?

– Бежала так, что ног не чувствовала. – Сказал Фома.

– Скорей всего да. – Почесав затылок, согласился Свят. – Но это уже последствия её встречи с кем-то. – Рассудительно сказал Свят. – А вот узнай мы, была ли эта встреча случайной или заранее с кем-то обговорённой, то это на многое бы открыло глаза.

– Мне кажется, что для неё она точно не была случайной. – Сказал Фома и Свят согласился с ним.

– Ну так что, как будем вести расследование? – после небольшого раздумья, задался странным вопросом Свят. В результате чего сумел удивить Фому. – А что, есть варианты? – спросил его Фома.

– Конечно. – Как само собой разумеющееся сказал Свят, усмехнувшись. Ну а Фома, уже не понимая, шутит или нет Свят, опять его спрашивает. – И какие?

– Можно пойти простым путём, – с умным видом заговорил Свят, – через поиск свидетелей, улик, следов и другого рода вторичных признаков существования человека, будем искать этого предприимчивого гада, а можно применить и нетрадиционные (нет, не те, на которые наводит мысль, услышав это слово) методы для его поиска. И Фоме бы сейчас поподробничать со Святом насчёт второго эксклюзивного метода, но он вдруг испугавшись за то, что Свят вдруг возьмёт и передумает раскрывать перед ним свой новаторский метод, – уж больно любопытен этот Фома, так глядишь раскроешь перед ним все секреты, а он поспешит их присвоить и разболтает кому не следует, – сразу же цепляется за такую возможность расширить свои знания в криминалистике.

– Давайте второй вариант. – Сказал Фома. На что Свят ведёт себя совершенно для Фомы непонятно. Он, делая недоумённый вид, его переспрашивает. – Какой, такой второй вариант? – Ну а Фома не дурак, чтобы подыгрывать Святу, начав путаться в ответе, не понимая, чего от него добивается Свят. И Фома только зло отмахивается от него и говорит. – Раз нет второго варианта, то и не надо. – Что делает своё дело, и Свят идёт на свою попятную, и даёт свой ответ. – Уж больно ты быстр. А как же насчёт всего того, что настраивает собеседника на нужный лад и развязывает его язык. – И опять Фома своим вопросом: «Вы это о чём?», – проявляет не просто недальновидность, а какую прямо-таки слепоту к своему непосредственному начальнику, чей живот даже вздулся от возмущения за такое его непонимание нужд близстоящего человека.

И Свят ему бы сейчас так душевно, с пониманием ответил, если бы вой сирен сопроводивший выезд машины скорой помощи с трупом девушки внутри, не отвлек на себя его внимание. И Свят, сопроводив взглядом автомобиль скорой помощи, задумчиво задался вопросом. – А теперь-то куда спешить?

На что Фома мог бы возразить, что на распределение вакантных мест в рай, – в ад такой спешки не наблюдается, и даже наоборот, все те, за кем там забронированы места (вот такой там налажен сервис), стараются как можно дольше оттянуть свой исход туда, – но он промолчал, увидев нечто большее во всей этой спешке.

ГЛАВА 2

Дела аппетитного и не очень характера

– Не знаю почему. – Глядя на то место, где раньше лежала мёртвая девушка, и где теперь усердно работал ветер, задувая следы её присутствия, задумчиво проговорил Свят. – Может я не такой как все. – Как-то совсем не вопросительно, а чуть ли не жизнеутверждающе сказал это Свят, продолжая смотреть туда, куда смотрел, и заодно краем глаза на стоящего сбоку Фому (на этих его словах Фома оценивающе посмотрел на Свята, и не удивился, увидев на нём неприкрытое самолюбование, со своим подчёркиванием собственной значимой самобытности). – Но как бы то ни было, а у меня почему-то от всего этого разыгрался непомерный аппетит. – Сказал Свят, теперь уже открыто и при этом как-то заинтересованно посмотрев на Фому.

Ну а Фома к своему потрясению, совершенно неожиданно для себя, даже несмотря на подходящее для этого обеденное время, вдруг почувствовал в себе точно такое же желание, и это непомерно его удивило, заставив по-быстрому задаться к себе несколькими актуальными вопросами.

– С чего бы это? – вопросом на вопрос откликнулся Фома, услышав со стороны своего желудка такого рода вопросительное бурление, означавшее, что там внутри у него живо интересуются, когда же он, наконец, будет вовремя, а не в самый неподходящий или того хуже, последний момент, о собственном благополучии думать.

– А может во мне действительно что-то такое есть, что... – и новый вопрос Фомы не прошёл своего многоточия. А он, будучи перебит ворчливым поведением всё того же желудка: «Человек есть то, что он ест, и точка!», – не смог закончить это своё вопрошание. При этом Фома и возразить на это ничего не может, он и сам придерживается точно такой же точки зрения – а его желудок этим пользуется.

Но Фома в тоже время и в дискуссии вступать не собирается, его сейчас крайне заинтересовала одна мысль, которая и родила последний, но не по степени важности вопрос-ответ. – Неужели это знак? И я сам того ещё не осознавая, становлюсь сыщиком? Ведь у меня по ходу дела, такие же точно привычки, пристрастия, а может и нюх к справедливости, что и у Свята. А это уже что-то да значит. – Фома от всех этих своих мыслей так взволновался, что не удержался от улыбки, которую Свят заметив, интерпретировал по-своему.

– Да ты, как я посмотрю, и сам не прочь за обе щёки натрескаться. – Усмехнулся Свят, глядя на Фому. – А это мне нравится. И хоть я и не люблю делать поспешные выводы, но если ты сейчас отведёшь меня в приличное и недорогое место, чтобы отобедать, – и чтобы оно было недалеко, а близко, – то я предположу, что мы с тобой сработаемся. Ну а Фома, получив такой шанс на доверие, конечно не имел права ударить в грязь лицом, хотя залезть в неё туфлями он уже умудрился, и он не ударил, ударив только по своим рукам и, заявив, что он знает отличное место неподалеку. – К тому же это заведение находится от места преступления так буквально близко, что даже подозрительно. – Многозначительно сказал Фома, вслед добавив. – И, пожалуй, не помешает опросить персонал заведения, что они может быть слышали или видели подозрительное, что указывало бы на это преступление. А не скажут, то пусть пеняют на себя.

– Да ты, как я посмотрю, шустрый малый. – Покачав головой, засмеялся Свят. – Не прочь совместить приятное с полезным.

– Не прочь. – Согласился Фома и в ответ на последующее заявление Свята: «Веди», – выдвинулся на выход из этих задворков парадной жизни людей, живущих по другую сторону этих домов. Тогда как для кого-то это было совсем не так. Да для того же вызвавшего службу спасения бомжа Сильча, ставшего на это время ответственным и равнодушным гражданином, а так он всю свою жизнь вёл себя безответственно, что в результате и привело его сюда, на эту парадную бомжатской жизни.

Фома же тем временем, не просто ведёт Свята, а отвечает на возникающие по мере хода вопросы Свята. Ну а Свят между тем, хоть и ведущий оперативник их отдела, но всё же простой человек, и в немалой степени подвержен влиянию любого рода бытия – как вот например сейчас, когда его так припёрло с разгоревшимся аппетитом. И поэтому он не может без того,

чтобы как-то обходиться без влияния на ход своих мыслей со стороны своего нутра, которое по мере своего голода, имея на него всё возрастающее влияние, начало себя вести к нему чрезвычайно требовательно.

– И чего это мы еле ногами передвигаем? – Сразу сходу, достаточно звучно пробурчал внутри Свята вечный возмутитель его спокойствия, его имеющий немалый вес желудок (Фома как оказывается, очень верно для себя заметил, что у него много общего со Святом). И не успевает Свят выразить только надежду (для его желудка не существует оправданий для его голодности) на своё оправдание, мол, это будет в глазах его стажёра выглядеть не слишком прилично, как этот голодный субъект своего права, с далёким посылом заявляет Святу:

– Ну, хорошо, смотри на этого Фому и поступай так, как он на то тебя напрягает, но при этом знай. – Здесь следует тревожно убийственная пауза. – Чем дольше ты идёшь, тем больше аппетит у меня разыгрывается. А тебе ли не знать, к чему это, как правило, ведёт. – Стальными нотками в голосе проговорил желудок.

– К чему? – с дрожью в голосе, явно прикидываясь, что он ничего не понимает, а этому уже противоречит его дрожащее поведение, спрашивает Свят. На что его жестокий и голодный до всего собеседник отвечает не прямо, а через заковыристый вопрос. – А ты деньги дома, случаем не забыл?

– Да вроде бы нет. – Похлопав себя по карману пиджака, где прощупывался портмоне, ничего не понимая, дал ответ Свят.

– Тогда смотри, чтобы хватило. А то я сегодня, а всё ты виноват, раз так оттягиваешь неизбежное, так голоден, что готов, сам знаешь, кого съесть. – И не успевает Свят заверить себя в том, что вроде бы денег должно хватить, как желудок, услышав это его «вроде бы», немедленно взрывается бурлением, предупредительно заявляя Святу:

– И смотри Свят, если сегодня ты меня не послушаешься и решишь на мне сэкономить, то я тебе этого на этот раз не прощу. Изжогой, гад, замучаю.

И Свят, оказавшись в таком, даже не незавидном, а в почти что тупиковом положении, где всё внутри него восстало против его здравомыслия, пока ещё не стало поздно и он не оказался перед фактом смотрящего на него непомерного счёта с чека, решает уточнить у Фомы, насколько дорого ему будет стоить посещение этого заведения. И куда может быть стоит пойти, лишь для того чтобы только по долгу службы опросить персонал; а не как в личных потребительских целях.

И Свят заходит со своего далека. – Слушай, а как там всё-таки кормят? Стоит тех денег, которые они за это запрашивают? – Ну а Фома не слишком далёк и всё сказанное Святом принимает на свой нежадный счёт. – Всё-таки Свят не без недостатков. Не прочь сэкономить на своём желудке и на мне. Как будто не знает, что на желудке и на учениках не экономят. – И Фома от таких своих мыслей не сдержался, с осуждением покачивая головой. Правда Фома, пока это его качание головой не вызвало у Свята своих вопросов, спохватывается, и даёт ответ:

– Там можно экономно отобедать.

И тут Свят, как будто спохватывается – так себя ведут люди, которых осенила какая-то очень перспективная мысль-открытие – и переспрашивает Фому. – Как ты сказал?

– Экономно. – Ничего не понимая, в полной растерянности говорит Фома, глядя на остановившегося Свята.

– А тебе это ни о чём не говорит? – спрашивает Свят Фому, и чтобы тот не сильно спешил с озвучиваниями своих глупостей, добавляет. – Только не спеши спешить. – И от этих слов Свята, кто-то очень ему известный внутри него ещё больше возмутился. Фома же в свою очередь, находясь под прицелом взгляда Свята, демонстративно так задумался, и к своему удивлению додумался. В результате чего его лицо постепенно преображается в улыбку, после чего в свою осмысленность и в конце всего этого его ознаменования, он озвучивает то, до чего он додумался.

– Экономист. – Вдохновенно говорит Фома и Свят в согласии ему кивает в ответ головой. После чего Свят приободрённый тем, что в этом тёмном и нехорошем деле появилась первая ниточка, а она, по мнению Свята, обязательно к чему-нибудь да приведёт, решил поделиться своим настроением с Фомой, приободряюще похлопав его по плечу. После чего он вновь становится серьёзным и обращается к Фоме (он с улыбкой подходит только к преступному элементу, но никогда к самому делу, для которого у него только серьёзный тон и выражение лица приготовлены).

– Значит, слушай меня. – Посмотрев в упор на Фому, проговорил Свят. – Что-то мне подсказывает, что в этом кафе наверняка есть камеры наружного наблюдения. А раз так, то первое что напрашивается из всего этого, так это то, что нам непременно нужно забрать записи с них. – Свят убедившись, что Фома всё отлично понял, переходит к основному своему посылу. – Значит, заходим, осматриваемся и пока я разбираюсь с администратором, ты идёшь в служебное помещение за записями с камер наблюдения. Всё понятно? – Уточняясь спросил Фому Свят.

Ну а что тут непонятного, пока Фома будет делать всю основную работу, Свят будет лясы точить с хорошенькой администраторшей. Правда Фома вспомнив, что там вроде такой хорошенькой, да и вообще какой-другой администраторши нет, а одни только энергичные менеджеры какого и не разберёшь звена, отбросил эту версию как несостоятельную, а взял за рабочую ту, на которую его прямо сейчас надоумил тот, кто вечно у него там внутри голодный сидит. – Свят будет сам трескать за обе щёки, тогда как он обещал это ему.

И хотя эта версия показалась Фому более чем убедительной, он всё-таки пока стажёр и, поэтому, не имея тех властных полномочий, чтобы поставить Свята на своё место, а себя посадить за стол, на то место в кафе, где будет сидеть и трескать за обе щёки Свят, решил, что пусть пока будет так. А вот когда он единолично поймает преступника, то вот тогда он... Но Фоме не удалось додумать и тем самым насладиться ожидающей его славой, а может и поощрительной наградой, после того как он самолично схватит преступника, тогда как Свят в это время будет иметь ответственный разговор с какой-нибудь булочкой с маком – его перебил Свят, сказав: «Пошли».

После чего они отворачиваются друг от друга в прежнюю сторону и уже без остановок на то, чтобы спланировать детали по захвату врасплох администрацию кафе, добираются до этого пункта своего назначения. А у Фомы между тем были весьма интересные задумки на этот счёт.

Так, например, можно было сразу по заходу в кафе обозначить свою непримиримую позицию ко всякому отказу, направив пистолет на самого главного человека в этом заведении... Нет, не на клиента, о статусе которого заявляют висящие на стенах призывные плакаты, – да и Фома что дурак, чтобы целиться пистолетом в эту красотку на плакате, которая там завораживающе и так аппетитно, что самому хочется её съесть, прикусывает сочную булку с сосиской, – а на того, что за возмутительно-наглая рожа прыща, кто является местным заправилкой, управляющим заведения. И он, направив на него пистолет, грозно заявит: «Прошу внимания и больше никакого лишнего движения». И Фоме даже добавлять не придётся, что особо волноваться не стоит, это всего лишь плановая проверка санэпидстанции, как все уже всё поняли и, растопырив свои конечности, как тараканы, приготовились расстаться со всем тем, что не попросит этот опасный тип с пистолетом.

Хотя можно и без всех этих внешних эффектных заходов, на которых настаивает незрелость и молодость Фомы, который ещё не определился и ищет себя, и поэтому так выдвигается на первый план. А там, между прочим, могут и подстрелить, окажись среди посетителей кафе человек с тараканами в голове. А у него и так боязнь белых халатов, а тут ещё вслух озвучивается такое страшное и не выговоришь что за слово, – а это говорит хотя бы о том, что человек, выговоривший это странное слово, как минимум, готовился к тому, чтобы без запинки его выговорить, – и что спрашивается, ему делать.

И конечно этот человек с тараканами в голове, у которого при себе всегда пистолет (как ему его выдали, то это другое дело), сразу разволнуется, занервничает и не успевает подмигнувший той красотке с плаката Фома и шагу сделать по направлению к административной стойке, как его, не подмигивающий и прямо смотрящий на красотку глаз, – а по сути, он как раз и подмигивал или так позиционировал себя, – к полному своему удивлению обнаруживает, что эта красотка и сама не прочь на близость с ним. Да так не прочь, что Фома, так и не поняв, как это всё произошло и как вообще такое может быть, вдруг обнаруживает, как эта красотка, своими сочными и аппетитными губами приложилась прямо к его подмигнувшему глазу. При этом он сам стоит в стороне от всех этих дел и, глядя на всё это всё с той же стороны, недоумевает как так может быть.

Ну а такой ребус или головоломку разгадать не всякому по плечу, и видимо и Фома к этому был ещё не готов, раз его в один момент всего перекосило и он, почему-то использовав для выдоха из себя переработанного кислорода не как обычно рот, а отверстие на месте своего подмигивающего глаза (возможно потому, что выходящая из него переработка была слишком дымного качества), вслед за этим в один момент сложился и рухнул на пол. Ну а как только Фома так себя реализовал в качестве представителя специальных служб, не без участия человека с тараканами в голове, то в зале кафе поднимется паника и все те, кто ещё находился на ногах, как тараканы ломанутся кто куда – Фома хоть и посмертно, но всё же смог очистить это место от тех представителей паразитов, кому не место в такого рода общественных заведениях.

Так что хорошо, что Фома не стал проявлять инициативу и не выдвигать эти свои чреватые неожиданными последствиями предложения, а приведя Свята до места, всего лишь сказал. – Пришли. – На что следует ответ Свята: «Понятно», – и они, поднявшись по ведущим ко входу ступеням, заходят внутрь кафе.

И хотя в этом их заходе не было ничего необычного, всё же Фома не удержался и всё это увидел в своём воображаемом виде – Фому даже очень можно понять, ведь он сегодня в первый раз, так сказать, при исполнении, и при этом в ведущем качестве, сыщика (это он уже сам надумал). И, конечно, он не может не пропустить этот момент через себя – от первого впечатления зависит всё его будущее в этой профессии. И если он не будет впечатлён или это впечатление оставит желать лучшего, то не будет ли это знаком того, что он выбрал для себя не ту профессию и стезю, и следует ещё подумать, а может сразу же не думая, сменить её на другую, преступную.

И хотя Фома уже не раз об этом думал и считал, что выбранная им профессия и есть его призвание, всё же это всего лишь теоретические знания, и без практического опыта, своего первого впечатления, их не закрепить. И он, дабы придать остроты своему первому впечатлению, включил всё своё воображение, со ссылками на им ранее виденное в кино про крутых сыщиков, чьи методы не отличались большим изяществом, но зато с лихвой перекрывались их зубодробительным чувством юмора, и так и пошёл, и вошёл вслед за Святом не в просто кафе, а в его воображении, в самый что ни на есть клоповник (что отчасти правда), прибежище самых гнусных и опасных злодеев, кафе «Дон Лизотто» (надо понимать, что Фома под себя отформатировал пиццерийного названия кафе).

И все эти злодеи, бандиты и просто коварные личности, прибыв сюда, в это кафе под видом законопослушных граждан, как бы для того чтобы перекусить, на самом деле используют эту публичность для того чтобы их не заподозрили в чём-то преступном или хотя бы не перестреляли, и пряча своё лицо за огромным куском пиццы или стаканчиком кофе, сидят и строят хитроумные планы, как бы им ещё этот мир обхитрить.

Но они ещё не знают и даже не догадываются, что их ждёт спустя совсем скоро. И как только дверь кафе так резко распахнётся, что проход входящих в него людей со стороны будет видеться в замедленном движении, как в кино, где специально для эффектного появления

героев так покадрово запускают их ход, то все присутствующие в кафе всё больше злодеи, преступники и их сопровождающие щедрую жизнь подельники и подельницы, тут же в один момент забудут обо всём том, что они сейчас думали и делали и, обернувшись в сторону раскрывшихся дверей, в один взгляд на входящих людей, от испуга в умственном ступоре обомлеют так, что о своих «пушках» забудут, вместе с челюстями пороняв из рук всё то, что в них до этого было – а это местами горячо и больно опасно для тех, на кого вылился горячий кофе из стаканчика, упавшего на юбку или штаны в самом значительном месте.

При этом даже те, кто так обжётся на своей невнимательности к себе, по причине внимательности к тем, кто сейчас так эффектно входит внутрь кафе, не смеют так глупить и отвлекаться на это, что за пустяковое обстоятельство, всего лишь ожог третьей степени, когда преступная (понятно, что не такая профессиональная как у них) неосмотрительность и пренебрежение к зашедшим обстоятельствам, может им грозить куда как большими последствиями.

– Да это же Свят и сам неверующий ни кому на слово Фома, собственными персонами! Сейчас начнут колоть, да так, что только успевай называть имена, клички и адреса, – ахнув, глупо и тяжело про себя вздохнули шулеры всех мастей, бандиты и местные головорезы, краем глаза, так, на всякий случай, посмотрев по сторонам, ища для себя другие пути выхода отсюда.

– И какими судьбами, а точнее, по чью душу их сюда занесло? – вслед за первым признанием, в голову бандитов и преступников полезли логичные вопросы. А ведь они между прочим, ничего такого преступного за собой сегодня не заметили, а даже, наоборот, все как один, с сегодняшнего дня решили встать на путь исправления, правда чьего, они об этом не упомянули.

При этом, в любой, даже в такой специфической, строящейся на иного рода началах и пристрастиях семье, никогда не обходится без своего уroda. То есть такого, кто даже для этих преступных элементов, выдавших такие виды, что сердце выскакивает от содрогания при одном упоминании этих видов, вызывает опасливое недоумение и оторопь при виде его – он ни капельки на них не похож, и эта непредсказуемость не может не напрягать, волновать и с неммым вопросом: «Да кто это на хрен такой?», – заставляя основной бандитский костяк семьи Лизотто, смотреть в сторону крёстного отца, дона Лизотто.

А ведь в этой семье всё больше люди не простые, неоднозначные и противоречивые – они при своих непростых взглядах на окружающее мироустройство, выбирают самые простые решения для возникающих проблем. Да и их лица под стать всему тому, что они отождествляют и не отрицают – они испещрены не только выразительной грубостью их умственного мироустройства, но и через шрамы и рассечения выражают своеобразную признательность ему за то, что этот шрам остался на лице, а не на сердце.

И кажется, что таких людей ничем, не то что испугаешь, а их ничем не прошибёшь, и сколько не вгоняй им шпильки под кожу, они будут стоять на своём. – Я в первый раз всё это барахло в своих карманах вижу. И сдаётся мне, гражданин следовательно, что я спросонья штаны перепутал и чужие надел. А так в моих штанах всё законно пусто. – Но это только, как оказывается, кажется, и казалось до тех пор, пока дон Лизотто не ввёл в семью нового перспективного родственника, сеньора... Но о нём чуть позже или хотя бы после этого небольшого характерного предисловия. Этот сеньор, кто заслужил для себя такого отдельного упоминания, никого не спрашивая, занял эту для себя вакантную нишу в семье – а лучше такую, чем никакую, статиста – и принялся на основании всего этого, так паскудно исподтишка себя вести, что теперь никто себя в семье не чувствовал в безопасности, в каждый момент ожидая от этого уroda подножки.

И этим уродом в этой преступной семье под началом крёстного отца, дона Лизотто, (смотри вывеску и всё станет понятно) был отъявленный задира и трепло, сеньор Николай, а по-простому Колесо – он считал, что мир вокруг него вертится, когда на самом деле, это он

вокруг него крутился. В общем, распространённая ошибка всех тех, кто мыслит категориями плоскости.

И это Колесо в отличие от всех и главное от своей семьи, видел мир в иных красках, и в результате у него на всё про всё, свой, совершенно не согласующий со своим родственниками по общей семье взгляд на окружающее (из-за чего его не раз грозились пристрелить или к чёрту взорвать). К тому же этот или это Колесо, вечно лезет на рожон, и вместо того, чтобы помалкивать хотя бы лицом, берёт и так открыто лицевыми гримасами самовыражается, обращаясь к вошедшим Святу и Фоме с лицевым вопросом. – И какого хрена вам тут надо? – А как этого не понять, понять не представляется возможным.

И все, конечно, поняли, что эта наглая физиономия Колеса самовыражает, а как поняли, то тут же начали коситься друг на друга (говорили же что в семье не без урода – вон как всех друг против друга настроил), по внешним предательским признакам пытаюсь выяснить, какую падлу сегодня вечером стоит отблагодарить за этот неурочный визит сыскарей, который весь аппетит отбил у всех до единого. А в их семье строго блюдут правило «Око за око». И если кто-то, не поставив в известность своих родственников по общей семье о чём-то своём индивидуальном, тем самым стал причиной этого посещения сыскарей, который перебил им всем аппетит, то и ему не отбиться от того, чтобы ему весь аппетит на очень долго перебили.

Но такой мимолётный осмотр, как обычно ни к чему не приводит, – что-то, а рожки кирпичом все здесь делать умеют, – а заниматься самоосмотром, то смысла в этом никто не видит, и поэтому все начинают подозревать Колесо в провокационных действиях. Правда времени сейчас у них на это совсем нет, – Свят и неверующий в их честность Фома, уже стоят у входных дверей и на них всех одновременно смотрят, – и поэтому они вынуждены вернуть своё внимание к этой опасной парочке.

– Свят, Свят, Свят. – На апокрифической смеси из крестного знамени и суеверия, запричитал про себя, креста у нет, а всё потому, что ему сегодня не повезло в игре и пришлось всё заложить, кроме только души, которая давно уже в залоге у самого дьявола, никогда ни во что не верящий и неверующий, полагающийся только на тёмное суеверие, мошенник, картёжник и плут, Григорий Распутный (говорят, что и имя у него крапленое, то есть псевдо, ненастоящее).

Но что там Свят, когда чуть сзади от него стоит, а по своей значимости вперёд выбивается и собой задвигает Свята, сам Фома неверующий в их честность и невиновность, и попробуй его в этом разубеди. А не разубедишь, то не сидеть тебе больше в этих тёплых кафешных местах, когда есть столько холодных мест, крайне нуждающихся в обогреве твоим преступным задом.

– Раз любите прохлаждаться, то почему бы не соединить ваше приятное, с полезным для общества. – И такая аргументация Фомы всегда находила отклик в душах преступных элементов, которые ни на шутку разогревались в себе и начинали подготавливать себя к этому этапу своей новой жизни. – Не виноват я! Где ваши доказательства?! – чуть ли не бросались на Фому не убеждённые его аргументацией люди, а в частности сейчас присутствующий в помещении этого кафе, гражданин Каретный, не склонный к логическому мышлению, но зато склонный к побегу и к преуменьшению своих заслуг в деле соучастия в преступлении.

– Зато как делиться, так он первый. Что скажешь, на такое соучастие в твоей судьбе твоих подельников? – прищурился один глаз, из под завесы тайн показаний подельника этого отрицающего всё на свете гражданина Каретного, на чьи оправдывающие его и обеляющие его показания (об именовании этого «его», полностью лежит на совести опять же «его» или «его») так рассчитывал всё тот же гражданин Каретный, прямо-таки пронзив взглядом этого гражданина не гражданина, а только пользователя этой привилегией, Каретного, спросил ни одному его слову не верящий Фома.

Ну а находящийся в странном статусе перед Фомой эта скользкая личность Каретный (– Гражданин не гражданин, хотя юридически всё же гражданин. Но тогда мне за это светит юри-

дическая ответственность. Тогда лучше не гражданин. – Совсем себя запутал Каретный), где одно для них обоих известно и не вызывает особых разногласий, Каретный для Фомы подозреваемый (Но вот в чём? То знай об этом Каретный, то он давно бы нашёл для себя ответ, как в ответ на это подозрение действовать – либо прикинуться дурачком, что он отлично умеет, либо в грустном случае, сразу же в окно тикать), внутренне похолодев от заявлений Фомы никому неверующего, принялся судорожно соображать, что всё это значит.

Ну а так как Каретный много о своей подлой сущности знает и о чём его родственники по семье Лизотто местами догадываются, а в чём-то и вместе принимали участие, при этом совершенно не представляет, на чём решил акцентировать внимание этот, до чего же честный и не верующий даже на честное слово Фома. Ему, видишь ли, только чистосердечное признание подавай и обязательно в письменной форме, а все эти «зуб даю, что это не я» или же «мамой клянусь, я в это время без алиби дома крепко спал», им даже не рассматривается.

– Да он хочет столкнуть нас лбами. – Как вдруг вспомнилось Фоме и нам вслед за ним, что не товарища и не господина, а месье Каретного вдруг ни с того ни с сего осенила догадка (а озаряет догадка только натуры безгрешные, а натурам, чьё поведение всем этим не отличается и они редко просыхают от греха, даётся только такой вид осмысления своей синюшной жизни). – А как только я начну подозревать своего верного товарища в паскудном насчёт меня поведении, – хотя и он не без греха, слишком жаден до денег, – то тем самым я встану на сторону следственных органов и буду тёпленьким ими взят на свои поруки. – Месье Каретному, аж побледнелось от такой хитроумной подлости этого Фомы неверующего в его здравомыслие.

– Да ни за что на свете! – глядя на Фому, в негодовании яростно блеснул своими глазами месье Каретный, готового за своего товарища пойти хоть на край света, то есть туда, где круглый год холодно и солнце светит только из-за угла или края. И только эта ассоциация промелькнула в голове месье Каретного, больше всего на свете любящего тёплые места в жарких странах, как он поёжился от обозримого в скором времени холодного будущего и сразу же решил, что в таком деле грех спешить. И следует (уже как противная сторона начал рассуждать), как следует (да что ж такое, пластинка заела) подумать над тем, что пока ещё не предлагает Фома – нет большого смысла ему врать, всё равно он тебе не поверит.

– А вот если изловчиться, да так, чтобы он забыл о том, чтобы с этой позиции на нас смотреть, то тогда может и пронесёт. – Подумал месье Каретный, чей изворотливый ум никогда не давал ему спокойно усидеть на месте, из-за чего собственно он и сидел в последствии – так что он ни в чём не виноват, когда на всё его это толкнула его природа... – И та подлая рожа, которая вам всю эту напраслину про меня наговорила. А так я перед законом чист и даже там не был, где я только со слов этого подлеца и негодяя Смутного был. – С полным раскаянием лицом, посмотрел на Фому месье Каретный, чьи капельки солёных слёз на глазах, не только чесались, но и указывали на его невиновность – разве неискренний человек, если он только не артист, политик или неверная жена (месье Каретный ни к одной из этих категорий не относился хорошо), способен на такое.

Но Фома, чьё за недоверчивый человек, совершенно не убеждается такой выразительной убеждённостью месье Каретного, который и сам уже поверил в свою невиновность, и продолжает с таким явным подозрением смотреть на него, отчего месье Каретного начинает выводить из себя. Но Каретный не раз холодным задом учёный и поэтому сдерживается и не идёт на обострение конфликта, решив, поймать Фому на противоречии. И он с одного выдоха сбивает с лица капли слёз и частично высушивает их, после чего хитро так смотрит на Фому, и спрашивает его:

– Что-то я не пойму вас. Вы всегда утверждали, что ни единому нашему слову не верите. А тут значит, какому-то Смутному поверили. Как это понимать? – Вот так прямо смотрит на Фому месье Каретный и даже не спрашивает, а делает утверждения, что Фома не тот всем

известный Фома, который никому на слово не верит, а какой-то прямо человек не дела, всем на слово верующий Фома.

И не успеваешь месье Каретный осознать, что он, дурак, на самом деле наделал, как находящийся в его глазах в не определённом статусе, где только одно можно с уверенностью утверждать, что Фома, так многозначительно на него смотрит и таким проникновенным голосом его спрашивает. – Я как понимаю, вы, месье Каретный, здесь самый умный. – И месье Каретный с этих первых слов Фомы так себя неуютно почувствовал под яростью обращённых на него со всех сторон перекрёстных взглядов родственников, что он невольно подкосившись на ножках своего стула, тем самым начал проявлять склонность к побегу. Заодно он догадался, какую иронию вложил в свои слова Фома – он совсем его таким не считает. И, пожалуй, он на этот раз прав. А неприятная правда о себе, всегда принимается близко к сердцу, отчего месье Каретный видимо и побледнел – сердечная неподготовленность к знаниям о себе и заодно недостаточность так проявилась.

Фома между тем продолжает вгонять месье Каретного в коридор своего понимания. – А раз так, то ответьте мне на один вопрос. – Фома делает концентрирующую на своём вопросе паузу и как только она достигает желаемого результата, задаёт этот вопрос. – Если я вам сейчас скажу, что я вас упеку, то вы мне поверите или же будете настаивать на том, что моим словам не стоит придавать особого значения? – далее следует совсем микроскопическая пауза. Как вдруг, в один момент преобразившийся в ярость Фома, разрывает её своим вопросительным восклицанием: «А?!».

И тут же вслед за этим «А?!», следует, да так, со стрельбой следует ответное «Ах!!!», что только успевай падать под стол, если тебе твоя жизнь ещё дорога – это «Ах» только в самых крепких случаях стало звуковым выходом их нутра, а так оно в основном являлось отражением внутренних процессов и всего того случившегося со всеми этими людьми, не привыкших и так не любящих резких движений.

Так первым, кого всё это коснулось и отреагировал, был конечно месье Каретный, который и так испытывал большую склонность и тягу к побегу для начала под стол, а уж затем туда, куда карта ляжет (это такой оборот речи, который использовал в своих взаимоотношениях не с собой месье Каретный). Ну а так как всё так удачно для месье Каретного сложилось – в зале кафе находилась всё нервная публика, а затем по причине их нахождения здесь (месье Каретный забыл упомянуть о том, что всё это спровоцировал он), этот зал накрыла беспорядочная стрельба – то он, сумев избежать точного попадания в себя, уже воспользовался этим обстоятельством и уполз куда-то в сторону служебных помещений. Где оставалось лишь выждать момента, когда они там все друг друга как следует надолго положат, и тогда можно будет спокойно отсюда улизнуть.

– Не получится, самый умный, месье Каретный, – придавив длинный нос месье Каретного пистолетом, проговорил Фома на ходу меняющий свои планы насчёт эти недоговороспособных преступников. И месье Каретный сумел оценить иронию Фомы для него злополучного, чья прицельная внимательность к нему подсказывает, в каком направлении ему следует давать свой ответ на ранее заданный ему вопрос.

– Но что-то мне подсказывает, что месье Каретного сегодня здесь мне не встретить. – Усмехнулся про себя Фома, заходя внутрь кафе, где его ждут иного характера взаимоотношения с не менее выдающимися личностями, нежели месье Каретный – ведь все они из одной семьи, дон Лизотто. И это так сказать, обязывает их быть тем воплощением собственной предприимчивости, на которой настаивает воображение Фомы, и как они там его словами говорят, непредумышленные с их стороны невероятные стечения обстоятельств, которые привели их в семью дон Лизотто, а не на худой конец, на завод.

При этом Фоме и самому становится очень интересно узнать и увидеть этого зловещего дон Лизотто, который стоит за столькими преступлениями в этом городе, называемыми им

бизнесом с последствиями. – И что это за дон такой Лизотто, который возмущает ум праведников баснословными прибылями, – и делать-то ничего не надо, этот кейс отвезёшь в одно, куда укажут место, там его поменяешь на дипломат с порошком (да-да со стиральным – деньги будем отмывать, ха-ха), и всё, безбедная жизнь в твоём кармане, – и сбивает их с пути труженника.

Ну и Фома, чья тяга к пословицам и поговоркам слишком активно влияла на принимаемые им решения, подбодрив себя пословицей: «Рыба гниёт с головы» (здесь гадать не надо, чтобы понять, чью голову он имеет в виду), – сосредотачивает себя на поиске этого зловещего дона Лизотто и заодно на спине впереди идущего Свята.

И вот они входят внутрь и вошедшему в двери кафе Фоме, и одного пронзительного взгляда из-за спины впереди остановившегося Свята на внутреннюю обстановку заведения хватило, чтобы увидеть то, что Свят не способен увидеть и обнаружить того, кто всем здесь, в этом бандитском притоне заправляет – отдельно от всех, на самом просматриваемом со всех сторон месте, у окна сидящий, невероятно бандитской наружности тип. – Это и есть дон Лизотто. – Быстро сообразив, что к чему, Фома сразу же наделил именем этого бандита, бесцеремонно ведущему себя ко всему тому, что ему попадается в руки – а сейчас ему в основном попадались огромные куски пиццы, которые он безжалостно использовал по своему назначению.

При этом, судя по тому, что эта бандитская рожа дона Лизотто, поставив на первое место комфорт своего сидения и нахождения у окна, совершенно не считается со своей безопасностью, то он либо слишком самонадеянный насчёт себя преступник (в этом окне он отличная мишень для своих чрезвычайно опасных конкурентов), либо в кафе свободных мест не было, а он как человек для которого бизнес превыше всего, не стал, макая гнусные физиономии некоторых гостей своего заведения в собственное отражение в бачке унитаза, таким образом пристыживать их за неуступчивое поведение, и поэтому сел туда, где было свободно. Хотя всё же нет, и присевший за первый попавшийся стол Свят, тем самым указал Фоме на не верность этого его предположения.

Фома же присаживается вслед за Святом за стол и принимается за более пристальное наблюдение за этим боссоватым типом, доном Лизотто. И как только сейчас Фомой обнаруживается, то этот дон Лизотто, не столь наивен и простодушен, и за одним и столиков, ничем себя не выдавая и не связуя себя с доном Лизотто, однозначно сидит его охрана – уж больно у этих типов рожи для этого подходящие, а что уж говорить об их мускулатуре.

И только Фома так за этих парней и за дона Лизотто решил, как совершенно неожиданно для Фомы, вдруг откуда ни возьмись, – а будь он повнимательней, то заметил бы, что не из такого ниоткуда, а со стороны туалетных комнат, – появляется гражданин представительной наружности, и без предварительного согласования с охраной дона Лизотто или с самим этим доном, берёт и садится рядом с ним. И не просто садится, а берёт со стола, может и не лишний стаканчик, и с нескрываемым удовольствием делает из него глоток.

– Коррупционер. – Немедленно на всё это реагирует разумение Фомы. И сразу, пока он так думает, удивлённо заявив про себя: «А кто же ещё?», – решает закрепить этот результат своего наблюдения за этим довольно странным стечением обстоятельств появления столь представительного, с иголки одетого господина; одни часы которого, стоят как всё это кафе, правда за вычетом стоимости припасов. – Вот оно сращивание преступных элементов с властными структурами. – Фома принципиально, то есть презрительно, смотря на эту лощёную физиономию коррупционера, который там у себя на государственной службе, однозначно выглядит не так сносно, и возможно, что смотрит на всех исподлобья, когда под столом подписывает дутые контракты.

И от таких злодейских представлений этого, подлеца в последней степени, коррупционера, Фоме становится так зло на душе, что он готов прямо сейчас встать и пойти поймать за руку эту манипулирующую их доверием личность коррупционера. – Что, коррупционер,

поймал тебя за руку? – Фома вначале ошеломит коррупционера своим неожиданным поступком, а затем поставит того в тупик этим своим неоспоримым заявлением. И хотя коррупционер привык изворачиваться как угорь, для чего он тут же попытается выкрутить свою руку из рук Фомы – но Фома если за что-то взялся, то от этого никогда не отцепится, пока сам не захочет, – но у него ничего из этого не выходит и он будет вынужден отвечать на то, что его спросил Фома.

Ну а факт того, что он пойман Фомой за руку, опровергать бесполезно и даже будет неразумно. Правда коррупционер такой человек, что он никогда, даже тогда, когда его хватают за руку, в этом именном факте никогда и за просто так не признается, и поэтому он начинает путать Фому, интересуясь у него, с чего это он взял, что он такого бесстыжего качества человек.

– Вопрос, конечно, интересный. – Задумавшись ответит Фома, и вдруг, да так резко повысит на него голос, что введя в транс, оглушит коррупционера своим заявлением: «А что насчёт меченных купюр?!». Ну а коррупционер от такой новой неожиданности, в один момент теряет над собой контроль и, хватаясь за сердце, через своё побледнение выдаёт себя.

Ну, а там, в нагрудном кармане коррупционера, как вскоре выяснилось прибывшей скорой бригадой, находился тот самый антидот от всех его коррупционных действий, которым он, как и все коррупционеры не успевает вовремя воспользоваться – это его... Оставим так многоточно, все ведь и так об этом знают, но почему-то забывают.

Но такое развитие ситуации с коррупционером совсем не нравится Фоме, и он решает насчёт него передумать – тем более дон Лизотто, как всегда выйдет из всего этого дела сухим. И Фома, оставшись на своём прежнем месте, передумал и внёс свои коррективы в развивающуюся за тем столом обстановку.

– И о чём, о каких подрядах сейчас, как только дон Лизотто проглотит кусок пиццы, будет вестись речь? – задался вопросом Фома, глядя на то, как дон Лизотто, прикончив кусок пиццы, вытер свои жирные во всех смыслах пальцы рук салфеткой и, посмотрев на коррупционера принуждающим непонятно к чему взглядом, обратился к нему совершенно не с тем вопросом, какой от него ранее ожидал услышать Фома.

– Корлеоне, Сопрано, Теразини. – Проговорил дон Лизотто и, глядя на коррупционера, вдруг с хрипом сорвался на своё возмущение. – Да кто это на хер такие?! – В результате чего коррупционер растерял на своём лице всю свою спесь и невозмутимость, и мало что понимая, раскрыв свой рот, беззвучно смотрел почему-то в рот донна Лизотто. Но дон Лизотто рассчитывал совсем не на то, что демонстрирует ему коррупционер, а ему нужны ответы. И он под не сводящим с него взглядом коррупционера, своими жирными пальцами выковыривает из куска пиццы оливку, и к застывшему на лице коррупционера изумлению, который и сделать ничего не может, берёт и закидывает эту оливку ему прямо в рот. И только тогда, когда оливка собой перекрыла дыхательные пути в горле коррупционера, он пришёл в себя и принялся бороться за свою жизнь, пытаясь прокашляться.

Ну а довольный собой дон Лизотто только ухмыляется, глядя на сдавливающего своё горло коррупционера, и даже не думает прийти ему на помощь, вдарив ему своей могучей рукой по спине. Впрочем, коррупционер хоть и покраснел до кончиков ушей, но справляется с этой на пустом месте возникшей проблемой. А как только справляется, то злобно глядя на донна Лизотто, собирается было предъявить ему за это счёт к оплате. Но вовремя вспомнив, что он находится в неоплатном долгу перед доном Лизотто, – намекая на некоторые компрометирующие его документы, так ему дон Лизотто всегда говорил, когда он пытался набить цену своим услугам или вообще соскочить, – решает не затрагивать эту тему и вернуться к тому, что так взволновало донна Лизотто.

– Это самые известные главы семей. – Говорит коррупционер. Дон Лизотто, вслед за этим ответом вновь возвращается в нервное состояние духа и с прежней резкостью заявляет. – Да я же спрашиваю, кто они бл**ть такие. Я их знать не знаю и знать не хочу. – Чуть ли не орёт дон Лизотто, своим поведением вызывая повышенную взволнованность сидящих за соседними

столами едоков и главное, управляющего заведением Андрона, который такое недовольное поведение своего непосредственного босса, естественно принял на свой и так небогатый счёт.

– А теперь он будет ещё меньше. Да так меньше, что и считать будет нечего. – Схватившись за сердце мимо пробегающей Кати, представительницы самой неблагодарной, оттого что беззащитной, категории сотрудников – стажёров, сделал для себя вывод Андрон.

Когда же дон Лизотто немного успокаивается, коррупционер с хоть и скрытым, но большим сожалением для себя, за то, что он здесь находится (дёрнул меня чёрт его послушать) и с нескрываемым сожалением за то, что этот мир столь неразумен, даёт свой ответ. – Но что ж, поделаться. – Со вздохом говорит коррупционер. – Когда само имя больше значит, чем то, что оно значит. – И хотя такая казуистика в ответе не приветствовалась доном Лизотто, на этот раз он всё понял, хоть и по своему, и поэтому не стал кулаком поправлять слишком задравшийся в поднебесье нос коррупционера, а для начала с пристуком по столу, выплеснул на него негативную энергию, с добавлением в неё брызг слюней: «Я им всем покажу, что имя моей семьи значит!», – а уж затем более-менее спокойно обратился к нему:

– Ты там у себя, многих людей, кто на слуху знаешь. Так найди мне того... – дон Лизотто на этом месте задумался, ища наиболее подходящее об именовании тому, что он имеет в виду, ведя этот разговор. Что, судя по его физиономии, ломающей стереотипы о донях, как людей мало думающих, давалось ему нелегко. Но тем не менее далось, и дон Лизотто сказал то, что сказал, а как понимать его коррупционеру, то пусть только попробует не правильно его понять.

– Найди мне такого фокусника, кто умеет все эти дела по обеливанию имён проворачивать. – Глаза в глаза глядя на коррупционера, сказал дон Лизотто, и коррупционер в первые сколько себя помнил, не слишком понимал, как ему выкрутиться из этой ситуации с доном Лизотто, решившим хапнуть славы.

– Хотя, где-то я уже об этом слышал или видел. – Вслед за Фомой подумал и коррупционер, чей ход мыслей полностью полагался на воображение Фомы. Но на этом разговор между этими господами, за достоверность которого никто не поручится, а тем более Фома, в чьём воображении он и возник, закончился, а всё по причине того, что Свят перебил ход мысли Фомы, обратившись к нему. – Ну, всё вроде бы понятно. – Совсем для Фомы непонятно сказал Свят. – Значит, я иду напрямик до того самоуверенного типа в рубашке с галстуком. – Свят очень верно указал на главное лицо заведения, Андрона – а это говорит о том, что не просто приметливый человек, но и зря времени не терял в отличие от Фомы.

– А ты вон туда. – Дополнил себя Свят, указав Фоме на один из коридорчиков, идущих в неприметных закуток. – Там я думаю, ты найдёшь то, что нам нужно. – Фома смотрит в ту сторону, куда ему указал Свят, затем бросает ещё мало что соображающий взгляд на Свята. – Иди уже, – кивком подталкивает его к действиям Свят, – и только после этого поднимается на ноги.

Встав же на ноги, Фома ещё раз вокруг озирается и, не заметив особого к себе внимания со стороны присутствующей публики, со вздохом сожаления пробубнив про себя: «А вот был бы месье Каретный, то он бы обязательно за мной всё это заметил и, взглядом проводив меня до подсобки, заволновался бы насчёт моих таких необъяснимых поступков», – выдвинулся по указанному Святом направлению. Правда Фома не пошёл сразу напрямик туда, а он сделал небольшой крюк в сторону стола с доном Лизотто во главе – ему захотелось своим нутром почувствовать, какая там стоит атмосфера. Фома был уверен, что если этот дон Лизотто на самом деле такой преступный тип, каким он его себе представил, то он наверняка будет источать нечто такое, что будет указывать на то, что он и есть тот зловещий крёстный отец всех подпольных заведений этого города (ещё, гад, франшизует на своём имени), дон Лизотто.

Так что то неприличное поведение Фомы, которое он, не скрывая, продемонстрировал, проходя в буквальном смысле близости от стола с доном Лизотто во главе, – он на одно мгновение остановился и принялся приглядывать к тому, что делают за этим столом едоки, а когда они,

удивившись его любознательности по отношению к ним, посмотрели на него, то он их окончательно потряс, звучно втянув в свой нос их запахи, – всё же имело хоть какие-то, но объяснения, а не как подумал Свят, придурок изображающий, как он думает, детектива (я типа всё чую), а на самом деле самого себя.

ГЛАВА 3

Находки и потери

В общем, Свят фигурально плюнул на Фому – мол, что с этих новичков взять – и целеустремлённым взглядом посмотрев на держащего все движения сотрудников кафе под своим неусыпным контролем, а по сути приглядывающего за ними, управляющего заведения Андрона, направился к нему. Ну а этот Андрон, между тем сразу же почувствовал этот направленный на него властный взгляд (Свят был при исполнении) и тут же обернулся в ту сторону, откуда ему вдруг зачесалось на затылке и засвербело в носу. Ну а там, он сразу же натывается на волевой, направленный прямо на него взгляд неизвестного типа, который, даже и не приходится сомневаться, судя по серьёзному лицу, имеет какое-то чревато важностью дело до него. При этом Андрон, несмотря на то, что он всегда быстро соображал, на этот раз не то чтобы не успевает сообразить, а даже представить себе не может, какого чёрта надо этому типу.

Так что когда Свят вдруг оказался прямо перед ним, то у Андрона наготове была только дежурная фраза: «Чем могу помочь?», – и такая же искренняя улыбка на лице. Но подошедший тип, как сейчас же Андроном выяснилось, не любит ходить вокруг да около, а с ходу берёт быка за рога. Ну а так как Андрон совсем не бык, да и насчёт рогов пока что не нужно загадывать – всему своё перспективное время – то этот серьёзный тип, а именно Свят, не давая возможности Андрону согрешить против истины своей ничего не значащей дежурной фразой, сразу ставит того в тупик своим недипломатичным обращением к нему: Чего лыбишься, в гульфике зачесалось что ли? – И при этом, всё это так сказано уверенно и убедительно, что у Андрона в один момент с лица слетает улыбка, а в неизвестном для Андрона гульфике, начинает и вправду щёкотно чесаться.

А это всё, особенно когда начинает чесаться, то начинает навевать особого свойства мысли и притом немедленно и так быстро, что многое кажется неуместным, как например, неподходящее по своим качественным характеристикам слово «навевает» – лучше использовать слово «захватывают». Так вот, Андрон, как человек, у которого в одном месте и то, по посторонней указке вдруг в одном, весьма влиятельном месте зачесалось, может быть был и не против того, что там чешется – всего-то требует внимания к себе – но вот то, что в его собственные отношения с самим с собой вмешиваются посторонние люди, то этого он совершенно не приемлет. О чём он заявит в своё время и в нужном месте, а сейчас Андрона больше напрягает и волнует совсем другое – как объяснить такое поведение этого и не поймёшь, что за типа. И при этом нужно с этим поспешать, а то это его стояние напротив, начинает вызывать ненужный интерес у рабочей смены.

И хотя Андрон в свойственной себе манере, многое из того, что сейчас с ним происходит, преувеличил – всё то, что им сейчас передумалось, длилось одно мгновение – а значит, он вполне мог ещё поразмышлять над тем, как себя вести с этим нагловатым типом, чьё вопросительное поведение вызывает свои вопросы. Но этот вызывающий вопросы тип или Свят, скорее всего совершенно нетерпеливый человек, – а может он просто живёт не в своём времени и просто забегает вперёд, а это выглядит так, как будто он вечно спешит и не терпит ждать своей очереди, – и сам думает в той же преувеличенной манере, что и Андрон, и скорей всего поэтому, он не дожидаясь так необходимого Андрону времени на то, чтобы как следует подумать над его вопросом, придвинувшись к нему поближе, глядя глаза в глаза, понизив свой голос до сокровенного, задаёт ему ещё более каверзный вопрос:

– Ты знаешь, кто я?

И, конечно, Андрон от таких близко задаваемых вопросов, не знает, куда свои глаза девать. А уж что говорить о том, чтобы понять, с какой целью и для чего задаётся этот вопрос – Андрон умел перепрыгивать не только через ступеньки по карьерной лестнице, но и заглядывать чуть дальше, чем обычный гражданин. А для этого всего-то нужно задаваться правильными вопросами, именно теми, какими он задался. А вот будь на его месте тот же Валентинчик (в каждом полнокомплектном коллективе есть свои герои и свои не герои, без которых тоже нельзя, и Валентинчик был как раз тем изгоем, то есть не героем, кого Андрон завсегда при случае ставил в пример перед другими сотрудниками заведения, как не нужно делать – да и вообще, он на нём успокаивался, выпуская пар), то оттого, что он дальше своего места на задаче не видит (и не увидит с такими недалёковидными взглядами на свою карьеру и тёплое место под солнцеликим взглядом начальства), он бы в ответ на этот каверзный вопрос незнакомца, явно желающего стать для всех известной личностью, раз такими вопросами задаётся, начал бы себя мучить мало что ему дающими вопросами и сомнениями насчёт своей памяти.

– И где же я его мог видеть? – начал бы чесать затылок Валентинчик, терзая себя и свою память, в попытке вспомнить то, чего никогда не было. – Наверняка, с ним связано что-то такое важное, раз он пришёл сюда. Но что? – краем глаза поглядывая на Свята, а объёмным зрением по сторонам, холодея внутри от той, однозначно страшной тайны, которую несёт в себе этот незнакомец, Валентинчик начал впадать в отчаяние от этой безответности.

Но как часто бывает, стоит только человеку приблизиться к тому жизненному краю, за границами которого начинается отчаяние, как он начинает видеть то, что до этого не видел и придавать значение тем вещам, которыми ранее не дорожил. И Валентинчик, оказавшись в подобной ситуации, только со своей специфичностью, в один из отчаянных моментов вдруг увидел или заметил то, чему до этого он не придавал особого значения. – И точно. – Наконец-то догадался Валентинчик о том, где он мог познакомиться с этим незнакомым типом. – В прошлую субботу, я до состояния невменяемости перебрал в клубе, и там скорей всего, и познакомился с этим типом. – От облегчения Валентинчик глубоко вздохнул, дружески улыбнулся этому знакомому незнакомцу и спросил его: Как дела?

Но это Валентинчик, и с него взятки гладки, чего не скажешь об Андроне, чьё административное положение в этом заведении обязывает его смотреть и видеть людей со своих административных позиций, а в каждом их обращении выискивать подвох. Так что вполне понятно, что Андрон не поверхностно отнёсся к этому обращению незнакомца, а принялся тщательно его анализировать на предмет того, что его знание или незнание будет ему или кафе нести. И тут ошибиться совсем не хочется, а то, кто знает (только этот незнакомец знает и от этого у него преимущества), что это будет ему и заведению стоить.

Вот, к примеру, вдруг окажется, что этот тип не просто какое-то известное только в ограниченных своей бесцветностью и бедностью кругах лицо, а он очень известное в некоторых непубличных кругах, ограниченных своим аристократическим цензом и миллиардами на душу населения во дворцах, наследное лицо принца Уотского, и что тогда делать и как быть?

И тут нечего говорить, что такого не может случиться и такое только в кино про золушек или в чьей-то больной фантазией голове может быть. При нынешней-то тяге принцев к глобализации и в народ, даже вполне может быть. – А не выйти ли мне в народ?! – задаваясь этим риторическим вопросом, даже и не испросил никого из здравствующих королевских особ, и себя в том числе, всегда сам себе на уме, принц Уотский, а всё за всех упомянутых выше особ решил (А некоторые из них, из этих, из королевских особ, между прочим, в это время, хоть и царствовали, но не бодрствовали – король спит, а царствование всё равно идёт. От таких истин некоторым особо насчёт себя мнительным династическим тиранам даже становится обидно. Они то думали, что мир в их королевстве так устроен, что без их на то позволения ничего в королевстве не происходит, а как оказывается, очень даже происходит).

И вслед за этим, взял и не заметил, как вышел в народ. А как вышел, то и не заметил, как заблудился. А как заблудился, то сразу же проголодался. И что же дальше делать? И как быть?

При этом надо понимать, что он привык к тому, что ему по первому звонку в колокольчик всё самое вкусное и питательное поставляют к его столу, а по шелчку его белоснежных пальцев, всё к его услугам в постель – первые красавицы королевства, в случае если принц настроен проявлять щедрость, и первые министерские зады, в случае если принц сегодня не в духе и ему требуется на чьем-то заде выпустить пар (но только носком ботинка, а то ещё подумают, что он даёт им толерантные поблажки).

Ну а в таком сложном положении, в каком оказался всё тот же принц Уотский, почему-то всегда в первую очередь идут навстречу неприятности. И даже предсказывать не надо, что принца Уотского вначале вокруг пальца обвели сказками о своём знании путей к уму разуму (что отчасти верно), затем завели в глухую подворотню, где и забрали всё, что при нём было в единственном числе или последнее – золотые часы из последней коллекции его друга и кореша Филиппа Патека, в единственном числе брильянтовую заколку на галстук, с таким же каменным обрамлением запонки из последних новинок дома Картье, ну и как без того, чтобы оставить без последнего значимого предмета, его, с геральдическими вензелями на обложке, портмоне, который впрочем, тоже был забран – после чего принцу Уотскому, чьему возмущению не было предела, убедительнейшим образом, с применением подручного средства типа ножа, под ребро посоветовали так сильно не вздыхать. И со словами: «С вещами нужно расставаться легко, с улыбкой и непринуждённо», – добившись от него не совсем искренней улыбки, поддав ему ногой под зад, избавили его от последнего – иллюзий на свой исключительный счёт. Как оказывается, с принцами не везде считаются, а в некоторых, в таких как эта подворотня местах, вообще пошли дальше, и видят в принцах себе ровню.

И вот с такими мрачными мыслями, а что уж говорить о подавленном настроении, принц Уотский, сам того не заметив, оказался в этом кафе. Ну а как только от местных запахов пришёл в себя, то сразу же оголодал и решил сегодня себя ни в чём не ограничивать и заказать всё меню сразу и при этом в двойных порциях. А как решил, то вдруг вспомнил, что там, в неизвестной подворотне, у него забрали последнее, а без этого последнего, даже и на одну порцию картошки фри нечего рассчитывать (прямо-таки умнеет на глазах). Но как тут же выясняется, то с этими, за скобками выводами мы поспешили – непоколебимая самоуверенность, стоящая в его глазах и его взгляд сверху вниз на всех, говорил, что он всех тут, по-своему знает, а вот они его ещё его не знают (хотя обязаны знать).

С чем (с самоуверенностью), он и направился напрямиком к Андрону, в ком он сразу же увидел близкое себе по духу лицо, которое просто обязано войти в его необычное положение и поспособствовать всему тому, чем он пожелает удовольствоваться.

И если смотреть на подошедшего незнакомца с его странным вопросом с этой стороны, то вполне объясняется, почему он так, через этот вопрос представился. Ведь все очень важные и представительные люди, только так: «Ты знаешь, кто я такой?», и представляются. И Андрон с такой версией представления этого незнакомца вполне бы мог согласиться, ведь он и сам не раз вёл себя таким представительным образом. Как, например, в общении с сотрудниками дорожно-постовой службы, где он частенько прибегал к подобного рода блиц-опросам. Так после того как они смели его остановить провокационным способом, с помощью оказавшегося на пути его автомобиля фонарного столба, он задавал им весьма интригующие вопросы: «Да ты знаешь, кто я такой?» или косвенный «А ты знаешь, кто мои друзья?».

Но что-то Андрону подсказывало (да хотя бы эти его руки, так нездорово поглядывающие на него со своего кулацкого положения – а у принцев ручки всегда такие белоснежные, без всяких видимых следствий на них от несвойственного им трудолюбия, а здесь прямо одна грубость), что этот тип точно не принц, а вот проходимец, который решил ввести его в заблуждение и, прикинувшись тем, кем он не является, чтобы за его, Андрона счёт, здесь как следует

потрескать за обе щёки, то это куда как ближе к истине. Правда и эта версия пока что никаких обоснований не имеет и Андрон, дабы не ошибиться в своей правоте и не правоте на счёт этого скорее проходимца, чем принца, даёт ни к чему не обязывающий ответ.

– Мол, не знаю я тебя проходимец и, вообще, вижу в первый раз. – Красноречив взгляд Андрона на этого проходимца. Ну а так как Андрон не совсем уверен в том, что этот проходимец достаточно разумен, чтобы прочесть этот его лицевой посыл, то он к своему выразительному послышу добавляет. – Извините, но что-то я вас не припомню.

Ну а Свят, а в глазах Андрона совсем даже не принц, а проходимец, выказывает себя настырным малым, и вместо того, чтобы, наконец-то, обозначить себя и сказать, кто он есть таков, берёт и опять задаёт не понятно к чему обязывающий вопрос:

– И даже не догадываешься?

И Андрон от такого вопросительного поведения этого, видеть уже нет сил, что за человека, хоть и про себя, но взрывается: «Да что ж такое!». И решив, что с таким людьми разговаривать не имеет большого смысла и вообще бесполезно, пока они находятся под прикрытием своей незнакомости, перехватывает инициативу и с такой прямо холодной жёсткостью обращается к этому типу. – Извините, у меня нет совершенно времени на всё это. Говорите, что вы хотели сказать. И если это входит в мою компетенцию, то я постараюсь вам помочь.

– Вот и отлично. – Слишком быстро обрадовался этот проходимец, что совершенно не понравилось Андрону. А вот почему, то... Да хотя бы потому, что он Андрону надоел и всё, что исходило от этого типа, теперь не нравилось Андрону.

Свят между тем ведёт себя как человек, который совершенно не догадывается, какого рода чувства вызвало его поведение у его собеседника (что конечно наглость последней степени со стороны Свята), и он продолжает радоваться тому, что встретил такого отзывчивого человека в лице Андрона. А раз так, то сама простота Свята, ведёт отличающим такого рода простых людей образом. И он, поманив пальцем руки к себе Андрона, – а это вызвало на лице того оторопь, с испугом, вызванным непониманием, как себя дальше вести, – и после того, как Андрон поддался его злобному обаянию и придвинулся к нему лицом, тихо-тихо, так, чтобы его мог услышать только Андрон, спрашивает его. – Вчера, ты тоже здесь на смене был?

Ну а этот вопрос Свята, куда как более взволновал Андрона, чем все его прежде заданные вопросы. Да не просто взволновал, а прямо-таки застал врасплох – он теперь окончательно не понимал, кто это и что это за тип.

И вновь Андрона постигла участь думающего человека, без дум которого можно прийти только к одному, бездумному решению. И хотя такие решения почти всегда нравятся тем, кто подталкивает вас на такие неосмысленные действия, всё же нужно быть большим филантропом, чтобы так думать. Ну а Андрон был бесконечно далёк от такого образа мыслей, и поэтому он принялся, пока даётся время, срочным порядком соображать, что же ответить на этот, совсем ему непонятно, к чему ведущий вопрос. Для чего в первую очередь необходимо выяснить, кто же всё-таки этот тип.

Правда, на этот раз коридор возможностей для этого типа существенно сузился. И в этом даже нечего искать виновных на стороне, как например Андрона, который имел возможности и причины, чтобы так насчёт него думать, а дело в том, что этот незнакомец сам виноват в том, почему так случилось – его никто не заставлял именно так ставить свой вопрос Андрону. Ну а раз вопрос подобным образом прозвучал, то и Андрон принялся искать разгадку его личности, исходя из этого вопроса.

И первое, что ему в голову пришло, так это огромное желание отстаивать свои права свобод высказываний, перемещения и ни перед кем бы то ни было не отдавать отчёт в своих действиях. – Слышишь ты, верзила, – вот прямо так, не сдерживая себя ни в чём, на повышенных тонах, с указанием его именного места, про себя разошёлся Андрон, – это не твоё собачье дело, где и в каком месте я вчера прохладился с такой любовницей, которой тебе не вжизь заполу-

чить. И вообще, пошёл бы ты туда, куда всех такие как ты, нас таких как я посылают. – Но это тип, названный Андроном верзилой, что за настырен и он даже ухом не ведёт и не сотрясается в удивлении, чего от него в надежде ждал Андрон.

И этот, прозванный на своё время Андроном верзила, так увесисто крепко сжимает один из своих жутких на вид кулаков, после чего им подпирает свой подбородок и, посмотрев с этого положения на Андрона, спрашивает его. – Из всего тобою сказанного, меня заинтересовало только одно. То, что такую, как у тебя любовницу, мне не вжизь не заполучить. А я знаешь, такой человек удивительный, что когда мне что-то становится интересным, то это неожиданно для меня становится интересным и тем, кого этот интерес касается. И как ты понимаешь, то нынешний мой интерес касается тебя и твоей имеющей такие интригующие и касающиеся меня характеристики. – Верзила со всем вниманием смотрит на Андрона и, не получив от него сообразно сказанному ответа, уточняющее добавляет. – Давай показывай.

Ну а Андрон, ведь всё это сказал сгоряча, мало подумавши и при этом про себя, и поэтому совершенно не рассчитывал на то, что будет понят и приведён к ответу. А так у него и любовницы нет никакой и даже самой захудалой – при его-то так себе зарплате, он может рассчитывать только на бескорыстные нежные чувства, когда ему так хочется видеть хоть какого-то расчёта из такого рода отношений. А раз так, что он может сказать с кулаками ждущему его ответа верзиле, кроме того, чтобы быть немногословным и изначально им непонятым, а то тот обязательно его пошлёт туда, куда таких как он посылают, такие как он (в очередной раз это «он»), распределяется и понимается по своему чувству ответственности за себя и за этого «он»).

Ну а так как Андрон всегда очень ответственно ведёт по отношению к себе и достаточно скрытен, чтобы его нельзя было в чём-то нехорошем заподозрить, то Свят или верзила, так ни о чём не догадались, а Андрон принялся скорейшим образом рассматривать другие варианты.

– А вдруг он, – начал размышлять Андрон, – какой-нибудь проверяющий из специальных служб, как, например, представитель общества защиты прав потребителей. А эти представители, такие придирчивые и предприимчивые типы, что не успеешь глазом моргнуть, как они уже нашли таракана у себя в супе. Но и этого им мало, и они вечно следят за только им известным, каким-то санитарным порядком и, видя, что нарушают такой, что за странный, специально придуманный для того, чтобы самим на нём кормиться порядок, а ещё хуже, не видя, что к ним со всей душой и готовы ответить на все интересующие их вопросы, там, в вип-комнате, берут и закрывают на неопределённое время такие негостеприимные для них заведения. – Андрон попытался набраться смелости и посмотреть на этого незнакомца как следует (что под этим имел в виду Андрон, то это так и осталось не известным – а как его понять, если он так и не решился на это как следует), а не как он на него смотрел, заглядывая в себя и ища там оправдания себе.

А между тем в пользу этой версии говорит то, как тихо к нему обращается этот тип, как бы намекая на то, что он в отличие от других людей из их службы, человек понимающий, и при должном взаимопонимании, готов пойти вначале за стол, а затем и дальше отсюда, до следующей, через год проверки. И если этот тип из этих (!), то Андрону любая заминка может дорого стоить. А этого он, как всякий сидящий на проценте от выручки управляющий (вот был бы на окладе, то другое дело) допустить для себя не может и значит должен немедленно реагировать на это.

И он бы немедленно отреагировал, как в таких случаях полагается, со всем добродушием и с пакетами реагировать, но опять в Андроне что-то такое не даёт ему покоя и подсказывает ему, чтобы он не слишком-то верил всему сказанному этим первым встречным. А Андрон между тем прекрасно знал, а не догадывался, кто его так внутри баламутит – это его жадность, а точнее хозяйственность. А эта его, даже не черта характера, а своеобразная идейность, без своего на то усмотрения, и шагу ему не давала вступить, а уж что без толку говорить о том, чтобы куда-нибудь сходить развлечься. И понятно, что Андрон, находясь под таким контро-

лем и присмотром, не мог принимать единоличные решения, не выслушав эту сторону своего здравомыслия.

А там-то, всё как всегда видели в своём придирчивом свете, где его более чем наверняка, собираются надуть. – А может этот тип подозрительной наружности, специально так, – выдавая себя за того, кем не является, – притворяется, чтобы за твой счёт тебя надуть! – С досадливым изумлением, даже не спрашивает, а сразу утверждает эта критическая черта в Андроне. И не давая Андрону времени вздохнуть, начинает его продавливать под себя. – Да ты, Андрон, хотя бы краем глаза посмотри на него. Разве тебя в нём всё устраивает. Или всё же он слишком подозрительно выглядит. – На что Андрон ни бэ, ни мэ, но по его внутреннему сопению становится вполне понятно, что и он в таком же недвусмысленном ключе смотрит на этого проходимца. А этого от Андрона только и ждали. И его бесконечно настойчивая и до чего же вредная всё та же черта характера, поймав Андрона на слове, теперь уже требует от него немедленных действий.

– Ты, Андрон, – настойчиво заявляет Андронова хозяйская жилка, – возьми себя в руки (можешь не оправдываться, всё же трусоват ты) и решительно так, спроси этого типа: А на каких-таких юридических основаниях, ты должен раскрывать перед ним, вполне возможно, что коммерческую тайну? А может он представитель конкурирующей фирмы, занимающийся производственным шпионажем. Узнает вначале внутренний рабочий распорядок, а затем войдя в доверие, подберётся к внутренней кухне заведения. А там глядишь, и все технологии и скрытые отчёты чёрной бухгалтерии в его кармане. А! Ты об этом не думал? – Андрону аж стало одновременно холодно и жарко от этих своих откровений.

И Андрон на этом душевном подъёме, насколько мог решительно ответил Святю. – Это конфиденциальная информация. Так что извините. Я ничего не могу сказать, пока не знаю, с кем разговариваю.

– А! Ты об этом. – Добродушно улыбнувшись на свою забывчивость, усмехнулся Свят, доставая из кармана знаковый документ, который наделял неслыханными правами того, чью личность он удостоверял и обязанностями перед ним всех тех, кому он так в лицо предъявлялся. И даже было трудно иной раз понять, кого этот документ больше касался, того кого он удостоверял правами, или тех, кто почему-то после этого его удостоверения личности понижался в своих правах перед лицом этого удостоверившего их в своих правах человека при удостоверении.

Что может быть только непроверенные на себе слухи и им не стоит верить, пока на себе в этом не убедишься. Что ж, может и так, но Андрон не из тех, кто любит ставить на себе эксперименты. И как только это удостоверение было ему предъявлено для его ознакомления и понимания того, что с этого момента каждое его слово или наоборот молчание, будет не просто рассматриваться под углом юридической ответственности, но вполне возможно, что в будущем и инкриминироваться ему, то он тут же почувствовал себя более чем неуютно на этом месте, почему-то напугано (в его голове всё так стремительно завертелось, ища в своём прошлом то, за что его можно было привлечь к ответственности), и ему сразу же захотелось куда-нибудь дать дёру. Ну и как бонус. Андрон мгновенно пересмотрел все свои атеистические взгляды на жизнь, и в душе, правда с каноническими ошибками, перекрестившись: «Свят, Свят, Свят», – начал склоняться к тому, что всё-таки во что-то надо верить, если вдруг насчёт него будет допущена несправедливость.

Ну а Свят не первый, а может уже в тысячный раз, показывает своё удостоверение для удостоверения своих прав на излишнюю, при отсутствии такого удостоверения, любознательность, и он отлично знает, какая после этого своего представления ждёт реакция на лице этого, ещё минуту назад, до предъявления этого своего удостоверения, что за наглого, сам себе закон типа, который в одно мгновение вдруг потерял дар речи и забыл, как его звали. Мол, я не я,

и без адвоката слово не скажу. И, конечно, Свят сразу же всё насчёт Андрона понял – как и какие предательские мысли его обуревают, с первейшим желанием податься в бега.

И, наверное, Свят мог пойти самым наипростейшим путём, дать возможность Андрону самому себя спровоцировать на эту неосторожность, побег, где бы ему далеко уйти не удалось, после того как Свят в один бросок в него стулом собьёт с ног всю его лихость, но Свят не сторонник таких топорных методов и он любит ломать подозреваемых не через колено, а с помощью своей разработанной им системы, состоящей из комплекса логических вопросов и поступков, которые сменяя друг друга в некой, известной только Святу последовательности, тем самым подводят Свята к нужному, а подозреваемого к совершенно для него неожиданному результату.

– Может, присядем, где будет более удобно поговорить. – Кивнув в сторону зала, проговорил Свят. Ну а Андрону только и оставалось, как ухватиться за это предложение Свята. – Присядем. – Сказал Андрон.

– Тогда я тебя там жду. – Сказал Свят, повернувшись в сторону зала, куда он уже было собрался пойти, но вдруг о чём-то важном вспомнив, посмотрел на Андрона, и после внимательной паузы, сказав ему: «Заодно захвати чего-нибудь успокаивающего и хлебосольного. А то, кто знает, как разговор пойдёт и насколько затянется», – повернулся и направился в зал. Там же он не стал проявлять излишнюю избирательность, а подойдя к одному из столиков в углу у стены, сел за него и принялся ждать Андрона.

Андрон же после таких напутственных слов Свята, не сказать, что приуныл, а вот то, что он ещё больше растерялся, можно сказать. – Да что ж я такого наделал, что меня теперь так прессуют? – глядя в спину удаляющегося Свята, в отчаянии принялся себя терзать вопросами Андрон.

На что ответа он, конечно, получить от себя не сможет, – он всё-таки заинтересованное лицо и об объективности тут говорить не приходится, – а кого другого спросить об этом, то разве кто скажет. А дать на всё ответы может только один человек. И этот человек сидит там, в зале, это ожидающий его Свят. Но тут такая загвоздка получается, ведь этот Свят, лишь только тогда даст ему все ответы на его вопросы, когда он первым ответит на его вопросы. Ну а чтобы правильно, без чреватых для себя последствий на них ответить, то нужно знать ответы на свои вопросы, на которые в свою очередь ответить может только Свят. Брр. В общем, вот такой замкнутый круг получается. И выхода из него Андрону не видится.

А Свят между тем ждёт и Андрон, всё-таки ещё не до конца утратив в себе сообразительность и жажду к жизни, быстро принимает в расчёт всё сказанное Святом перед своим уходом и, прихватив с кухни с собой полный комплект того, что может привести к потеплению их предстоящий разговор, со всем этим тёплым и горячим прибывает к столику со Святом за ним.

После же того, как Андрон занимает своё место за столом, а принесённая им чашка с кофе, как влитая занимает своё место в руке Свята, чьё простуженное (его охрипший голос на это намекает) горло требует к себе горячего отношения, а это ему даёт эта кофейная близость, Свят сделав пару глотков, спрашивает Андрона. – Ну, так что, ответите на мой вопрос?

А что Андрон может сказать на это, если он из-за всей этой творящейся в своей голове неразберихи и сумбура, и забыл, о чём его спрашивали. Так что Андрон пока об этом не вспомнил, мог только ответить своим растерянным выражением лица. И хорошо, что Андрон не стал анализировать этот свой ответ с позиции Свята, а то бы он совсем расстроился и растерялся, по своему интерпретировав этот его взгляд на себя. – А этот Андрон, как оказывается, совсем не законопослушный гражданин, как я о нём до этого думал, а он скользкий, коварный и совсем пропащий тип, от которого чего угодно ожидать можно. Вон какие ловкости на своём лице вытворяет, чтобы сбить меня с правильной насчёт его мысли. – Изумится Свят, глядя на то, что себе позволяет Андрон – а позволяет он себе то, что вводит в заблуждение представителей власти – и сделает из всего этого крепкий насчёт Андрона вывод.

– Значит, решил мускулами поиграть. – Уперевшись взглядом в Андрона, Свят задумчиво так скажет, что прям берёт за душу Андрона, ну и заодно руками за отворот его рубахи. – Сейчас я тебе отвечу, что я насчёт всего этого думаю. – Скажет Свят и тут же как сядет ещё раз на свой на мгновение им приподнятый стул, что у Андрона глаза на лоб полезут от невыносимой боли за свои неосмотрительные действия (понятно, что глаза Андрона полезли на лоб, не только потому, что он понял, как был не прав, но и по другой буквальная причина, но о ней чуть позже).

Ну а Андрон, даже на мысленном расстоянии всегда близко к сердцу принимал собственную боль, и поэтому он, дабы себя оградить от возможных последствий своей нерасторопности, уже собрался, хоть что-нибудь сказать в ответ этому страшному человеку, как вдруг Свят берёт и своим новым заявлением перебивает весь его запал.

– Я как понимаю, твоя задержка в ответе связана с тем, что ты прежде чем что-либо сказать, как следует взвешиваешь свои слова. – С располагающим к себе рассуждением говорит Свят. – Понимаю. Ведь каждое сказанное тобой слово будет свидетельствовать за или наоборот, против тебя. А вот над этим, – тут Свят, не сводя своего взгляда с Андрона, выдерживает паузу. При этом Андрону кажется, что Свят становится к нему как-то удивительно ближе – может это такой зрительный эффект, когда долго, не отрываясь, глядишь в глаза друг другу. И только Андрон так про себя подумал, как оказавшийся в буквальная близости от него Свят, в один свой присел на пододвинутый к Андрону стул, в довершении своего предложения: «стоит, как следует, подумать», – указывает ему на настоящую причину этого его приближения и заодно на то, отчего на самом деле могут полезть глаза на лоб – Свят металлической ножкой стула придавил одну из ног Андрона.

И только-только Андрон осознал, как бывает больно, когда на стул всем весом наваливается не склонный к самообману насчёт своей стройности объёмный тип, а металлическая ножка стула при этом находится на твоей ноге, как вслед за этим он получает новый, полный коварства удар со стороны этого Свята. Как оказывается, всё это стало не результатом его неосмотрительности – и не мудрено ошибиться, ставя стул под стол, когда там, в темноте ничего не видно – а всё было наоборот, и Свят намерено так действовал, чтобы добиться от Андрона понимания своего, по настоящему сложного положения.

И всё это Андрон понял, как только Свят весь свой вес переместил на эту ножку стула и, придвинувшись к Андрону, обратился к нему. – Теперь ты, надеюсь, понимаешь. Насколько будет значим вес каждого тобою сказанного, – Свято жёстким взглядом посмотрел на Андрона, – и не дай бог (а я, если хочешь знать, насчёт этого вегетарианец), умолчанного и не сказанного слова. – Ну и пока Андрон, сбитый фразой Свята о вегетарианстве со всего, что только можно, пытается собраться хоть с какими-то мыслями, Свят, кто единственный в курсе, что сейчас с Андроном происходит, – а этого он скорей всего и добивался, – начинает ему задавать какие нужно вопросы.

– Давай уж, облегчи свою боль. Ответь мне, что же тебя так взволновало вчера на смене? – глядя на Андрона, спросил Свят. И на этот раз Андрон не задерживает себя с ответом.

– Одна девушка. – Говорит Андрон.

– Понятно, что не две. – Усмехается Свят. – Хотя в наше запасливое время, вдруг одна тебя будет недостойна и бросит, одной редко кто ограничивается. – Свят после этого небольшого отступления, где он, отодвинувшись от Андрона, бросил взгляд в сторону сидящей за одним из столиков женской компании, возвращает своё внимание к Андрону и спрашивает его. – И чем тебя таким особым, – а тебя как я понимаю, нелегко удивить, – эта девушка зацепила?

И, наверное, не находишь Свят в столь близких и местами больных отношениях с Андроном, то он в свойственной ему манере принялся бы молотить всякую романтическую чушь. Типа, такого рода вещи, вот так, в двух словах не объяснишь, их мол надо прочувствовать

и пережить. А так как Свят проявил весьма кстати предусмотрительность, и Андрону за это надо ему сказать спасибо, а не истерическим взглядом на него смотреть, то Андрону и двух слов хватило, чтобы всё объяснить.

– Она была внимательна ко мне. – Сказал Андрон.

– М-да. Это, конечно, всё объясняет. – С рассудительным видом ответил Свят. – Но не настолько, чтобы я смог составить для себя всю картинку произошедшего между вами. Если сюда не добавить один весьма важный стрижок. Она была уступчива? – посмотрев исподлобья на Андрона, спросил его Свят. И одного блеска глаз Андрона хватило Святу, чтобы понять, что он идёт по ложному пути. – Ладно уж, с этой дамой твоего сердца. («Ничего подобного», – хотел было возразить Андрон, но ничего подобного он не возразил) Оставим этот пикантный момент в стороне. – Махнул рукой Свят, и слегка облегчил страдания Андрона, переместившись на другой край стула. После чего Свят берёт чашку с кофе, делает на неё перерыв, затем возвращает её на место и возвращается уже к Андрону.

– Кроме этого, я не сомневаюсь, что важного для тебя события, разве больше ничего такого вчера здесь не произошло? – спросил Свят. Но видимо Андрон действительно ничего не соображает, раз он в ответ так поспешает и допускает такую явную ошибку. Так вместо того, чтобы сделать хотя бы вид, что он думает, а для этого, надо-то всего лишь с умным выражением лица выдержать паузу (правда в его оправдание можно сказать, что умного выражения лица ему при данных обстоятельствах практически добиться невозможно) и только после этого, с глубоким сожалением пожав плечи, сказать, что ему очень жаль, но он ничего такого не смог припомнить. Но Андрон вечно спешит и сразу же даёт ответ:

– Да нет, всё как обычно и ничего такого сверхъестественного не случилось.

Ну а Святу уже одного такого поверхностного отношения к своим гражданским обязанностям со стороны этого Андрона, который даже не удосуживается, как следует подумать, прежде чем лепить такой ответ, достаточно, чтобы не поверить ни единому его слову. А тут ещё такой, полный противоречий ответ Андрона – рядом стоящие «да» и «нет» сводят на нет весь его ответ – и отсылка к необъяснимому – им упоминается некое сверхъестественное, когда можно было сказать, необычное – наводит Свят на мысль о том, что этот Андрон несомненно темнит.

А такое противоречащее здравому смыслу поведение Андрона – так всегда себя объясняет Свят это упрямство – заводит Свята, и он вновь усиливает давление на Андрона, увеличив свой вес с помощью пару глотков кофе и всё в прикуску с булкой с сосиской внутри. Ну а чтобы Андрон сразу понял, что его ответ совсем не устраивает его, Свят принялся жевать откусанный им кусок булки мучительно долго для него.

Когда же Свят подобным способом надавил на Андрона, он, давая ему возможность исправить создавшуюся ситуацию недоверия, прищурил один глаз так, чтобы Андрону было понятно, что он готов на многое закрыть глаза, если он, конечно, будет откровенен с ним, с дальним посылом спрашивает его:

– А ты в этом уверен?

Ну а Андрон, что за несносный человек и самоуверенная бестолочь, которая от кого-то там услышала, что при любых обстоятельствах никогда нельзя терять самообладания и всегда нужно демонстрировать уверенность в своей правоте, теперь пытается так себя вести и в таком качестве себя показывать. Правда Андрон не настолько самоуверен в себе, чтобы со всего маху дать кулаком по столу так, чтобы вся посуда с него подлетела вверх, а затем, когда чашка с кофе зацепит собой нос Свята, крепко ему заявить, – Да мол, уверен я, козлина!

Но он не может так себя повести, а всё потому, что Андрону уже частично указали на то, что бывает с такими слишком самоуверенными типами и его хватило только на одну обтекаемую фразу. – Насколько мне позволяет память. – С сожалением за то, что больше ничем помочь не может, сказал Андрон.

– Ладно. Не хочешь говорить, пусть будет по-твоему. – С таким глубоким разочарованием за Андрона сказал Свят и при этом так для него тревожно на него посмотрел, что у Андрона похолодело в душе и ему непременно захотелось доказать Святу, что это всё не так и что он не совсем пропащий человек, как о нём думает Свят. – А с чего это ты взял, что я так про тебя, сволочь, думаю? – спросит его Свят, после того как Андрон попытается убедить его в обратном. – Ну а что я ему на это скажу? – задался вопросом к себе Андрон, после того как предположил, что ему ответит Свят и решил, что лучше будет того ни о чём не спрашивать.

Свят же тем временем ещё раз глубоко по пропащую душу Андрона вздохнул и, переведя своё внимание от него (типа, что я здесь не видел кроме самообмана и бесконечной глупости) в зал, принялся там смотреть на что-то такое, до чего же для смотрящего на лицо Свята Андрона интересное, что тому так и подрывалось обернуться назад и посмотреть на то, что там такого, может даже напрямую касающегося его интересного, увидел Свят. Но Андрон каждое мгновение помнил и на своей ноге ощущал невозможность такого своего самовольного поведения и поэтому был вынужден претерпевать эти, самые страшные на всём белом свете мучения – испытание любопытством, которые в своё время свели на нет пребывание человека в раю (что и говорить, а Свят страшный человек).

Что же касается Свята, то судя по тому, что он своё внимание к чему-то там интересному в зале разделял с вниманием к Андрону, то он не случайно себя повёл таким образом. А это был один из его психологических приёмов в работе со слишком самоуверенными гражданами, разум и глаза которых затмевало собственное я. Он таким образом, всем им, а в частности Андрону, показывал, что мир спокойно и без его участия существует, и если он будет и дальше упираться в своём упрямстве, то так можно надолго остаться на краю жизни, и при этом что обидно, то этого никто не заметит.

И вот когда Андрону стало до крайней степени нестерпимо смотреть на Свята, который теперь не просто с интересом за чем-то там наблюдал, – а Андрон сколько не прислушивался, так ничего и не понял, что там такого за своей спиной интересного происходит, – а иногда так зажигательно посмеивался, что Андрон сам невольно улыбался вслед за ним, тем самым обрекая себя на невероятно умственные, когнитивного характера, мучения (его рассудку требовались объяснения, почему он улыбается), то Свят обратился к нему с вопросом:

– А что же насчёт посетителей. Какие они нынче?

Андрон же, чтобы окончательно не свихнуться головой в области шеи – в нём происходит внутренняя борьба между умопомрачившимся от любопытства рассудком и самой головой, уже онемевшей от нахождения в одном положении – ухватился за эту возможность выпустить пар. – Да всё такие же. Всё сплошь экономисты. Каждую копейку считают. – С горестью в голосе проговорил Андрон.

– Экономисты говоришь. – Скрыв своё возбуждение за напускной невнимательностью, зевнул в ответ Свят. После же того как зевота его отпускает, а Андрон в свою очередь еле сдерживается от того, чтобы уже самому не зевнуть – умеет этот Свят подводить к общему знаменателю и настраивать собеседника на нужный лад – то он так, за между делом спрашивает Андрона. – И что это за экономисты такие? Как ты их определяешь?

Ну а у Андрона на этот экономический счёт есть что сказать, и тут не при чём, что у него экономическое образование и он во многом не согласен с монетарной политикой центрального банка и своего прямого руководства, которое вечно ссылается на эту странную политику центрального банка, из-за которой они не могут поднять на должный уровень его зарплату, а просто Андрон работает на передовом фланге экономики, у прилавка, с людьми, и видит всю эту монетарную политику в действии.

При этом не надо забывать о том, где работает Андрон – в кафе быстрого питания, со своей линейкой цен, которая своей доступностью и быстротой обслуживания, из огромной массы едоков отмеряет свой контингент, – а это всё на нём сказывается. Да так сказывается,

что Андрон, видя каждый день вокруг себя всю эту с утра до вечера суету, где все только одно и успевают делать, спешить, чтобы быть в теме, и сам стал слишком спешить, а в частности делать выводы. Ну а при таком быстром подходе к окружающим, всё видится в едином ключе – поверхностно.

Но у Андрона нет времени на большее, он, как и всё современное поколение, больше всего на свете боится отстать. А вот от чего, то на этот вопрос никто не ответит, а всё потому, что на бегу не до ответов, да и вообще, нечего отвлекать пустой тратой времени, вопросами – нынче все всё и обо всё знают в гугле, а задаваться вопросами могут только люди отсталые, у которых нет прямого доступа к всемирной сети, с его всезнанием.

Так что при такой первоначальной настройке своего взгляда на всё вокруг, которое он, как все энергичные молодые люди, стремящиеся к другому более для них подходящему вокруг, ненавидит всеми фибрами (в этом месте без этого волнующего слова не обойтись, даже если его значение так и остаётся для всех не понимаем, но оно так цепляет) своей души, он видит то, что уже себе надумал. А так как мысли у него всё сплошь негативного качества, то и видел он всех вокруг в негативном виде и качестве – вот с кинопродюсерами Андрон нашёл бы много чего общего, они с теми же настройками смотрят на мир кино и около киношную публику (оттого Андрон и мечтает стать хоть каким-то продюсером).

– Вот был бы я кинопродюсером, то тогда бы жизнь в наше серое и безжизненное кино точно вернулась. – Закидывая ноги на стол, как это всегда делают детективы и самые приличные люди из кино, заложив руки за голову, откинувшись назад, мечтательно размышлял Андрон на досуге у себя в кабинете. – Я бы им всем показал, как надо и кого надо снимать в кино. – Андрон быстро в уме сделал небольшой кастинг из претенденток на роль в его новом, пока ещё без названия фильме, – а потому что его новый фильм находился на стадии формирования и ещё даже сценарий не подобран, – пустив слюну, Андрон продолжил размышлять.

– Не знаю как другие кинопродюсеры, – Андрон с теплотой вспомнил несколько отечественных режиссёров, чьей торговой маркой были их пышные усы, затем критичным взглядом мысленно окинул молодую режиссёрскую поросль, которые ещё до усов недоросли и оттого снимают всякую лысую пошлость, и как итог всему, с долей завистливого и мстительного восхищения, мысленно заглянул в глаза самого что ни на есть настоящего продюсера, того самого, кому в глаза никто не решался заглянуть, а за глаза всегда в чём-то таком продюсерском подозревали, – а я считаю, что любое кинопроизводство нужно начинать с подбора актёров. И даже готов собственноручно приступить к подбору актёров. – Рассудил Андрон, мысленно подмигнув тому настоящему продюсеру, кто по западной привычке, когда их продюсеров застают врасплох, отправился лечиться в клинику от своей привычки по продюсерски себя вести и мыслить.

– Привычка у меня такая, а может даже и зависимость от этой привычки. А так я совсем безобидный продюсер и желаю всем только одного, мира по максимуму. – Оправдывался или сам себя убеждал, что и не поймёшь, говорил этот настоящий продюсер, забираясь в свой чёрный лимузин.

– Знаю я этих му-му. – Усмехался Андрон, вспоминая этого настоящего продюсера. Как вдруг его озаряет до чего же потрясная мысль. – Так ведь на продюсерском фронте открылась свободная вакансия! – ахнул про себя Андрон, чуть не свалившись со стула. – А это значит... – многозначительно пробормотал Андрон и, посмотрев на своё отражение в экране стоящего на столе монитора, задался вопросом. – А если не я, то кто?! – Но вспомнив, сколько на это продюсерское место желающих, где многие из них куда как более впечатляюще выглядят, чем он, выразительно вздохнув: «Да, не хватает во мне той красочной животности и скотства, которые являются отличительной характеристикой настоящего, а не сосунка, продюсера», – вернулся к своему на досуге продюсерству и приступил к подбору актёрского состава к своему новому фильму.

– Да уж. – Вдохнул продюсер Андрон, окинув взглядом первые лица отечественного кино. – С таким актёрским составом, на чьи рафинированные клиническим фотошопом, откормленные контрактами рожи, без мысленного подсчёта, чего всё это им стоило, и что будет стоить их участие в картине, не посмотришь и дольше минутного рекламного ролика не снимешь. – Это в Андроне заговорила его хозяйская жилка, которая и позволила ему стать кинопродюсером. А так как Андрон только начинающий продюсер, то ему больших денег не выделяют, и он вынужден всё считать и экономно подходить к выбору актёров – оттого наверное, у него такой скептицизм на их счёт.

И только сейчас кинопродюсер Андрон, приступив к подбору актрис – он как джентльмен, всегда вперёд пропускает дам – понял, как оказывается тяжела кинопродюсерская доля. Он вынужден выбирать между зовом своего сердца и зовом своего желудка. А это очень и очень сложный выбор, когда находишься под перекрёстным огнём взглядов этих двух непримиримых антиподов, и нет никакой возможности утаить от них свои взгляды на выбор актрис.

Вот, к примеру, на роль ведущей героини выдвигается и само собой, как это всегда делается на кастинге, демонстрирует всю себя во всех своих обличиях (подходящих, неподходящим это будет решать Андрон) только что сошедшая с провинциальной электрички, желающая стать актрисой, девственной красоты красотка Маша. При виде которой у Андрона всё внутри так сильно потеплело, что его мгновенно пробил пот.

И Андрон, запотев не только лбом, но и мыслями, как это делают познавшие продюсерскую славу ни на что в физическом плане уже не способные продюсеры, уже хотел было махнуть рукой и сказать: «Заверните, берём!», – как отвечающий за его достаток желудок, вдруг спохватился (а между тем не вдруг, а когда у Андрона при виде Маши заодно прихватило и под ложечкой, а эта ложечка понятна на чьей стороне, то о движениях души Андрона уже всё где надо знали) и через животный позыв так ему напомнил, что Андрон был вынужден воздержаться от такой своей поспешности, которая могла привести к непоправимым последствиям для его штанов.

И понятно, что Андрон вынужден сдерживать себя и мучить Марию своей нерешительностью. А на неё между прочим, как она сама говорит, и другие продюсеры заглядываются. И если Андрон такой жестокий насчёт неё продюсер, то она не будет ждать и примет предложение более сердечного и к тому же добряка (а потому что он толстый), кинопродюсера Минаева.

– Так что хорошенько подумайте, Андрюша. У вас на всё про всё, есть, – тут Маша смотрит на свою руку, где должны быть скорей всего часы. Но их там нет (наверное, она их в ломбарде заложила, чтобы было на что поесть) и тогда она смотрит на другую руку. Где в отличие от первой руки, есть часы. Но такое поведение Маши совсем никак не удивляет Андрона, разумно посчитавший, что это такая её актёрская игра. Между тем Маша приближает к себе руку с часами, смотрит на часы и, переведя свой чем-то всполошенный взгляд на Андрона, даже не говорит, а кричит на него: Андрон. Нет больше времени, вставай! – И не успевает Андрон понять, что сейчас произошло, как его ум оглушает звонок телефонного будильника и Андрон, проснувшись на рабочем, а не на продюсерском стуле, с прискорбием возвращается в свою не кинопродюсерскую реальность.

Но все эти его мечты больше мотивировали Андрона на то, чтобы смотреть на свою настоящую реальность в негативном свете и больше никак. Хотя в некоторых особых случаях, как, например, вчера, он под воздействием ещё не выветрившихся мыслей после такого кинопродюсерского сна, не сразу смог настроиться на свою настоящую, а невыдуманную реальность, и смотрел на окружающее его вокруг и присутствующих в этом вокруг людей, не только волком, но и тем своим критическим взглядом, которым он смотрел на выдвигающих свои кандидатуры на роль в его кино актёров.

– Ну, с такой постной рожей только картошку на кухне жарить. – По своему достоинству оценил Андрон встреченного на своём пути через кухню, местного третьеразрядного повара

и по своему спортивному совместительству боксёра... А вот имя его Андрон так и не вспомнил и на основании этого, беспощадно (у нас строгие правила, нужно представляться) вычеркнул его из списка на роль статистов. Далее Андрон минует кухню, где он успевает придрататься не только к этому, как его там, в общем, боксёру, а ко всем тем, кого он там встретил.

– Не вижу улыбок и энтузиазма на лицах! – звучно напряг и поспешил радоваться за себя работников кухни Андрон. – Люди сюда пришли не на ваши кислые физиономии глазеть, а они пришли сюда зарядиться свежестью и здоровой энергией. А ничто так энергией не заряжает, как полная радости улыбка. Всё понятно? – грозно спросил Андрон согнутые спины работников кухни и, посчитав, что молчание знак согласия, размышляя над тем, как можно монетизировать эту кислоту на лицах персонала: «Может использовать вместо соли?», – выдвинулся на передовую их заведения, на раздачу.

Ну а там, хоть и не так жарко, как на кухне, но всё же вспотеть можно от всего того что там происходит. Ну а что там происходит, то всё как обычно в такого рода заведениях – столкновение противоположных взглядов друг на друга со стороны работников кафе и клиентов, и их мнений на тот или иной продукт, где иногда случаются совпадения и то по причине заинтересованности работников кафе; и всё это вслух и не скрывая.

Что же касается Андрона, то за ним особого места здесь на раздаче не было закреплено и, пожалуй, многие работники кафе сказали бы после своего увольнения, что его появление здесь всегда не к месту, и вообще, эта козлина, только своим присутствием всем мешает и так не по-медицински раздражает, что хочется его отправить на долго-долго в медицинские палаты, всё же Андрон считал иначе – здесь везде, самое его место. А всем этим будущим уволенным недоработникам, он посоветовал бы знать своё место, а иначе он им укажет на их новое, там за дверями место не работы.

И стоило только Андрону появиться, то по лицам сотрудников заведения сразу стало ясно, чего им дополнительно стоит и обязательно в дальнейшем будет стоить это появление столь к ним внимательного, управляющего заведения Андрона. Чего-чего, а спуску Андрон никому не даст, даже если ты готова на многие отступления от корпоративных правил, там, в тёмном углу подсобки. Но Андрона всеми этими привлекательными предложениями не отвлечёшь от выполнения своих служебных обязанностей, он даже там, в подсобке, всё потраченное на него время со стороны подчинённой, запишет ей в счёт обеденного перерыва. Ну а при виде огрехов и оплошностей своих подчинённых, Андрон не прикрикивает на них или же кулаком в нос не указывает на то, что тебя, подлец, клиент заждался, а одного его прискорбного взгляда на этих олухов им хватает, чтобы понять, как низко пал их коэффициент трудового участия, который так влияет на их зарплату.

Но на этот раз он не сразу принимается за это, так успокаивающее его нервы дело, а он для начала решает успокоить в себе своё второе, а может и всё первое, продюсерское я, непременно требующее найти актрису на роль героини в его новом фильме. А всё дело в том, что для Андрона с некоторых продюсерских пор, уже в порядок вещей вошла придуманная им тут прямо на месте, игра под названием «Американка». Так он для начала, среди массы посетителей кафе проводил свой своеобразный кастинг на роль главной героини драмы «Американки», а затем, выбрав наиболее подходящую девушку для этой роли, по правилам игры «Американка», и воплощал (!), а точнее будет сказать, через эту героиню подавлял все свои безумные идеи. А если знать, что Андрон в душе страшился противоположного пола (а вся эта его показная удаль, была всего лишь прикрытием его страха), то не трудно догадаться, на чём основывались и каковы были эти его фантазии.

Ну а так как для этой роли здесь за раздачей и на кухне совершенно никто не подходил – а ведь Андрон принимал единоличное решение при приёме на работу сотрудников – то было естественно, что он посмотрел в зал, чтобы там для начала обозначить претенденток на эту роль. Где вдруг неожиданно и наталкивается на пристальное к себе внимание со стороны одной

весьма привлекательной молодой особы, сидящей в компании и не пойми кого (он сидит спиной к нему). И хотя Андрон всегда считал, что он достоин и не такого к себе внимания, всё же этот пристальный взгляд со стороны этой определённо красотки, вызвал у него свои сердечные сомнения.

– А может это обман зрения. И она просто смотрит в мою сторону, а мне почему-то кажется, что она из всей массы людей у раздачи, выбрала именно меня? – совсем не по продюсерски заволновался про себя Андрон. И дабы не стать жертвой ошибки своего самообмана и зрительной иллюзии, Андрон не спеша, с видом занятого человека, ну чтобы не спугнуть никого, держа под контролем её взгляд и заодно высчитывая баллистическую направляющую ей взгляда, начинает озираться вокруг себя, в поиске того гада, на кого ещё мог бы упасть взгляд той незнакомки. Но там и там нет никого из тех, кого бы Андрон возненавидел всей своей продюсерской душой (а Андрон, хоть ещё себе и не признался в том, что он уже выбрал ей на роль героини, но внутренне сделал выбор) и он с той же занятостью начинается возвращаться назад, как вдруг на его пути встаёт ещё один направленный на него взгляд.

– Вот чёрт, Рита! – вздрогнув от этой новой неожиданности, Андрон успел только чертыхнуться, а вот скрыть то, что он был застан ею врасплох, то этого он не успел сделать. И в результате этого, эта его знакомая Рита, у которой до всего есть дело и какое-то особенное дело до него, раз она ему постоянно встречается – а вот какое она не спешит ставить в известность Андрона, предпочитая его оговорками и недомолвками испытывать на прочность – заметила по испуганному лицу Андрона, что что-то здесь не так. А как заметила, то сразу, да так заметила причину этого не так, что уже Андрон этого не заметить не смог.

– Ну, смотри Андрон, не засмотришься. – Едва заметно покачав головой, нахмутив свои брови, вполне ясно дала понять Андрону Рита, что она несчастная жертва его пренебрежения и невнимательности к ней, наконец-то, прозрела на его ветреный счёт. И прикусив так сильно свою губу, что пришлось вмешаться её руке, показала ему, что не даст ему спуску.

И, конечно, Андрон потрясён всем им увиденным и при этом ему совершенно непонятно, на каких, таких основаниях, эта Рита решила возложить на него столь многообещающие надежды. И Андрон даже готов под присягой поклясться, что он ничего такого ей не обещал и даже о ней не думал в таком невероятном качестве (на этом месте он был не слишком убедительным, да ещё эта невероятная оговорка, а это наводит на некоторые нехорошие мысли насчёт невинности Андрона – он всё же о ней думал).

И Андрон было уже хотел успокоиться после того, как он, конечно только в мыслях, подняв руку над чем-то тем, над чем там, в суде, клянутся, произнёс самые свои веские аргументы в защиту себя: «Ваша честь, *ля буду, никогда я об этой Рите, в никаком качестве, ни одетым, ни раздетым не думал. И если до конца быть честным, то мне даже противно о ней думать», – как вдруг он замечает лицо судьи, перед которым он так распаялся и потрясённый увиденным – судья один в один похожа на Риту – поняв, какую он допустил оплошность, – надо было говорить «ни в каком качестве, а не в никаком», – от боли в ноге приходит в себя. Где видит перед собой Свята, а не судью Риту. Что ни в коей мере не облегчает его положения, а наоборот требует от него ответа.

– Ну так, что скажешь? – нетерпеливо спрашивает его Свят. И опять Андрон ничего не может сказать, кроме как признаться в своей недалёкости и нежелании пойти навстречу представителю власти. – Как будто ничего. – Опасливо так, сказал Андрон.

– Ну, как знаешь. – С каким-то прям равнодушием к судьбе Андрона сказал Свят, что тому почему-то сразу стало очень больно и тревожно за такое равнодушное отношение к себе и даже захотелось испросить этого равнодушного Свята. – Да как же так? – И хорошо, что Свят первым к нему обратился, а то кто знает этого Свята, и не стал бы он через дружеское, крепкое похлопывание кулаком по спине Андрона, тем самым переубедить его в обратном.

– Да, кстати, – искоса посмотрев на Андрона, проговорил Свят, – хотел тебе напомнить один немаловажный для тебя медицинский факт. После того как боль утихает, как правило наступает отмирание. – И хотя Свят не уточнил о чём это он и к чему сказал, Андрон по онемевшей ноге всё понял и, закипев в голове, с дрожью в голосе впопыхах обратился к Святу. – Скорей ослабьте давление, и я обязательно вспомню.

Свят же внимательно на него смотрит и, убедившись в том, что до Андрона дошло понимание того, что всегда нужно быть честным с представителями закона, даёт ему того, что он просит, передышку. После же того как Андрон, подвигав пальцами ноги понял, что не всё ещё потеряно, а Свят увидел, как тот обрадовался, то Свят обращается к нему с напутственным словом.

– А теперь, давай, как следует вспомни вчерашний день, и будь повнимательней ко всему тому, что вчера происходило в кафе, а не только к той уступчивой девушке. («Всё же насчёт е уступчивости он приврал», – окинув взглядом Андрона, подумал Свят) Может увидишь что-то такое, и не необычное, а как-то по своему, не укладывающееся в обычный порядок вещей событие или поступок. – Задался вопросом Свят и, давая возможность Андрону сосредоточиться на своих воспоминаниях и не только на ноге, ещё слегка ослабил давление на стул. И, конечно, только слегонца, а не так совсем, чтобы у Андрона появилась возможность освободиться из под его опеки – Андрон, даже если на этом будет настаивать его благоразумие, не сможет не поддаться рефлексам, которые сами всё за него сделают, вырвав с носками свою ногу из под ножки стула.

Сам же Андрон после такого напоминания Свята, действительно и при этом очень внимательно, углубился в себя во вчерашнего и принялся искать то, на что указывал Свят. К тому же и ему самому стало чрезвычайно интересно узнать, кого ради он сейчас претерпевает такие неудобства и страдания. Ну а Андрон всегда от всех других отличался тем, что он всегда придирался к внешним условиям своего существования, то есть он был всегда всем недовольным, а это в свою очередь выливалось в то, что он постоянно вёл своё наблюдение за окружающим, ища в нём то, к чему можно было придаться. А всему этому как раз способствовало его положение управляющего этим заведением, и он как мог его реализовал.

И хотя такое достаточно предвзятое, с долей критичности отношение Андрона ко всему вокруг с ним происходящему, скорее усложняет поставленную перед ним задачу, чем облегчает – если такое, не уместящееся в обычные рамки событие, вчера и случилось, то Андрон тут же бы на месте его обнаружил и на него отреагировал – всё же это не сбilo Андрона с толку. И он вместо того чтобы с той невнимательностью, на которой всегда настаивает самоуверенность – и нечего туда, в это прошлое заглядывать, ведь кроме тебя никто так ответственно к исполнению своих служебных обязанностей не относится, и значит, там ничего такого не было, на чём тебя пытается подловить этот уполномоченный ловить на чём-то таком, уполномоченный – быстро окинуть взглядом это буквально цепляющееся за сегодня прошлое, и ничего там не найдя, вернуться назад, подступил к этому делу со всей ответственностью и вниманием.

И Андрон всё-таки не зря (а за его спиной только и слышно было – зря!) такой дотошливый до всех и своего окружения человек, и это его неожиданно сейчас выручило – Андрон сумел заметить то, что он вчера по какому-то прямо-таки невероятному стечению обстоятельств, не смог обнаружить. – А всё потому, что этот гадёныш Валентинчик, большой ловкач, и ко мне стоял спиной. – Андрон всё-таки сумел докопаться до той истины, которая объясняла, почему он сразу, тогда всё там, на месте, не обнаружил.

Правда и сейчас, до этого своего открытия он дошёл не прямым путём, через то, что он сейчас и тогда во вчера визуально видел, а к этому открытию его привело умение сопоставлять факты и делать из них логические выводы. Андрон окинул поверхностным взглядом наиболее знаковые события вчерашнего рабочего дня. Где единственное, что можно было выделить, так

это достаточно странно со стороны выглядящее, на западный манер (оттого оно, с непривычки и вышло так неуклюже), предложение руки и сердца с кольцом в бока... Нет, не в бокале, а по причине того, что всё это сердечное дело происходило в этом, мало подходящем для такого рода сердечных поступков месте (народ нынче всё больше спешащий, вот и не задумывается над последствиями своих поступков – они, когда ещё будут (!), после – так и над тем, как сам этот поступок подавать), то и кольцо было погружено в то, во что есть – бумажный стаканчик. И при этом, надо ж до такого додуматься, с горячим кофе – всё просто, на ходу думают, а это приводит к предсказуемым казусам, а не результатам.

И весь этот казус, а может всего лишь шутка, – Андрон пока ещё не разобрался, – случился именно затем столиком, который уже столько нервов стоил Андрону – а всё из-за этой Риты, которая своими взглядами на него не давала ему сосредоточиться. Ну а так как Андрон старался не смотреть в сторону стола с Ритой, где кроме неё за ним сидели, знакомая Андрона, сослуживица Риты Мерилин и ещё двое с виду очень занятых, а по мнению Андрона, занятых молодых парней в корпоративных галстуках – уж больно у них цвет был вызывающий такого рода ассоциации – то он и пропустил всё самое интересное.

И только когда один из этих парней, как оказалось, жених этой Мерилин, под звучный грохот (что и заставило Андрона обратить внимание на происходящее) оказался на полу, то лишь тогда Андрон понял, и то не до конца и со своим вопросом: «Если он делал предложение, то почему кольцо оказалось не на руке Мерилин, а у него в руках?», – что сейчас здесь вроде бы случилось предложение руки и сердца.

Правда тогда времени для особых разбирательств случившегося не было, а после того как Мерилин, дав своё согласие и, заодно не дав никому опомниться, от переизбытка чувств вместе с Ритой убежала в туалет сохранять своё лицо от возможного наплыва проявлений своих чувств, слёз, Андрон как-то быстро вовлечённый во всё происходящее, и сам не заметил того, как начал аплодировать, как, наверное, многие и здесь в кафе находящиеся холостяков, радуясь за то, что опасность быть обручённым на этот раз прошла мимо его стороной.

– Ну а то, что этот жених оказался на полу, то это от переизбытка чувств. – Ответив для себя на все было вставшие перед собой вопросы, Андрон, проводив поднявшегося на ноги жениха Мерилин до своего места за столом, на этом и забыл это злоключение. А вот сейчас, пока ещё только стоящей перед глазами туманной дымкой, перед ним начали вырисовываться вещи казалось бы не связуемые с этим происшествием, но в тоже время, как почему-то казалось Андрону, чем-то отдалённо связанные с ним.

– Кольцо с бирюзовым камешком, до появления у себя в кармане, я видел ... – однозначно отталкиваясь от этого происшествия, мысля на ассоциативных началах, вначале ещё ничего детального не сумел вспомнить Андрон, мысленно ощущая в своём кармане это, непонятно каким образом оказавшееся там кольцо. Но потом он вдруг такое вспомнил, что ему тут же заёрзалось на стуле. Он неожиданно вдруг увидел это кольцо на руке Валентинчика, в тот момент, когда тот наливал в один из стаканчиков кофе. – А после того как Валентинчик отдал этот заказ в руки ... – Андрона начало пробивать в пот от этих покадровых воспоминаний спины Валентинчика, перед которым стоял будущий жених подруги Риты, Мерилин, – я больше этого кольца на нём не видел, – Андрон внутренне содрогнулся от этого страшного открытия.

И хотя совсем не понятно, что давало Андрону это его открытие, но Андрона оно потрясло до основания. А почему это его так потрясло, то единственное объяснение этому которое приходит на ум, так это то, что Андрон, держа все рабочие процессы в заведении под своим зримым контролем, ничего не любил упускать из виду (он и считал, что и муха здесь не пролетит без на то его позволения), а тут такое упущение.

И всего вероятней, что Валентинчик своим скрытым поступком, сумев вскрыть недостатки в работе Андрона, тем самым заставил того усомниться в себе, а такого ни один

апломбированный специалист стерпеть не может, ведь это подрывает его основы мироощущения и мироздания. И попадись только этот Валентинчик в руки, а лучше под горячую руку Андрона, то он, пожалуй, выбив из того не только признание во всех своих прегрешениях, но и пыль от остатков его разума, сумеет восстановить этот получивший крен миропорядок и заодно вернёт себе самого себя – Андрон когда выходит из себя, то вечно где-то теряется. Но тут к новому потрясению Андрона, ему вспоминается, где он ещё это кольцо видел – в руках жениха Мерилин.

И Андрон как увидел это кольцо в руках жениха Мерилин, так и присел на стул. Но так как он и так до этого сидел на стуле, то он присел в самого себя, и теперь всё, что у него находилось вверху в голове и было связано с мозгом, оказалось там, в самом низу, на чём сидят, то есть в заднице. Что вполне соответствовало тому, как сейчас себя чувствовал Андрон, начиная понимать, как образом это кольцо оказалось у него в кармане.

– Это, паскуда Рита, меня так подставила? – проскрипел зубами Андрон, после того как сопоставил всё случившееся вчера за этим знаковым столиком в кафе – он из всех сидящих за этим столом, только с Ритой контактировал. – И когда только успела? – с долей восхищения задался вопросом Андрон, сконцентрировав всё своё внимание на том участке своей памяти, когда он, заметив, что Валентинчик на минутку отпросившись в туалет, уже находился там далеко не минутку, решил, что это недопустимо и подрывает в первую очередь его, а не того засранца авторитет, на который тому насрать, и отправился в туалет приводить его в сознательность.

И вот когда Андрон в состоянии душевного подъёма, которым его всегда наполняет предощущение возмездия, чьим карающим мечом будет он – перед глазами Андрона, даже не стоял, а сидел и снизу на него смотрел испуганный взгляд Валентинчика, пойманного им за нехорошим делом, его обманом всего коллектива – он использовал кабинку не по своему прямому назначению, а сидя в ней, играл в телефоне в покер – шёл по мало освещённому коридору, который из главного зала вёл в различного толка подсобные помещения, как вдруг, да так вдруг, что Андрон обмирает на месте, он замечает, что он зашёл в какой-то тупик. Что конечно очень удивительно, ведь он тут всё знает.

– Наверное, слишком сильно задумался. – Усмехнувшись делает вывод Андрон и, развернувшись назад, уже без лишних трат времени на раздумья добирается до места преступления Валентинчика, до туалета. Но там никого нет. Отчего Андрону от расстройств становится не по себе – выходит, что этот Валентинчик баловень судьбы. И эта судьба, погрузив его, Андрона, в думы, завела его в глубины коридоров и тем самым освободила для Валентинчика путь отхода, и он, благодаря этому избежал встречи с ним.

– Ну уж нет. – Закипает Андрон и с намерением непременно наказать этого баловня и негодяя Валентинчика, сам того за собой не замечая, по ходу своего движения начал вслух заговариваться. – Значит, умеешь считать и просчитывать шаги. Что ж, я тебя дам возможность посчитать. Но только потом не говори, что не так всё для себя представлял и видел. – И только Андрон это сказал, как опять его застаёт поселившееся в этих тёмных местах вдруг. Так через новое вдруг его глаза накрывает мягкая темнота и сзади ему в ухо пробирающимися слогами начинает доноситься чей-то тихий голос. – Угадай кто? – до не узнавания тихо-тихо говорит чей-то, понятно только что женский голос.

Ну а что Андрон, чьё сердце и ноги находятся не на месте, может ответить на всю эту чью-то опасную провокацию – а окажись на его месте человек более чувствительный к стрессам, то кто знает, не пришлось бы добавлять к этому вопросу весьма важное уточнение «испортил воздух и потёк?» – кроме как только пока принохаться, и то, как попутное его глубокому вздоху действие.

Ну а там сзади, не такого ответа от него ждут и наверняка надеются на то, что Андрон не такой остопоп и быстро отгадает, кто так не его тревожит, а за себя и за своё сердечко тре-

вожится. И как следствие этих надежд и ожиданий, позволяют себе чуть больше, чем позволяют себе равнодушные люди. Эта таинственная незнакомка берёт, и совсем легонько, коленкой поддаёт под зад Андрону.

И, наверное, за такой акт нежности к себе, и ладно, так уж и быть, к своему заду, да ещё при таких таинственных обстоятельствах, где затемнённая освещения придавала особенную значимость всему здесь происходящему, а чуть приоткрытая впереди дверь, ведущая в свою неизвестность, давала столько пространства для манёвра для твоей самой дикой фантазии, любой, мало-мальски чувствительный человек, отдал бы многое, даже если в итоге выяснилось, что он был перепутан с другим совершенным по сравнению с ним лицом. Но на этом месте, по чьей-то там сверху прихоти оказался Андрон, и он повёл себя не как от него ожидала хозяйка этих мягких рук и волнительного голоса.

И этот, что за привередливый и несносный Андрон, а он несомненно, жертва своей мнительности – он вдруг испугался того, что его таким образом разыгрывают ненавидящие его всей своей душой подчинённые (скинулись зарплатой и наняли самую безответственную девку, которая только и ждёт, когда ты закроешь глаза и проникнешь к ней доверием, чтобы что-нибудь у тебя украсть) – вместо того, чтобы как-то подыграть девушке сзади, – ой, я даже не догадываюсь, кто бы это мог быть, – берёт и сухим голосом говорит. – Не знаю.

Ну а от такой сухости, наверное, и зарождаются пустыни, и понятно, что у рассчитывающей на что-то своё особенное, обладательницы этих мягких рук, сразу же опустились руки. А когда Андрон с недовольным выражением лица посмотрел на неё и сказал. – Рита. Я на рабочем месте не шучу. И вообще, мне нужно спешить. – То Ритины руки ещё ниже опустились, чуть ли не в карман пиджака Андрона. И хорошо, что здешнее освещение и внимательность Андрона к себе, не позволило ему заметить этой странной оплошности со стороны Риты, чьё злобное выражение её лица в его спину, на многое бы открыло глаза ему.

Но тогда Андрон находился к ней спиной и не смог бы, даже если бы широко открыл свои глаза, увидеть то, что у него там делалось за спиной и как там на него смотрели, а вот сейчас Андрон всё отлично понял, каким образом это колечко оказалось у него в кармане – и вправду говорят, что со стороны всё виднее видится.

И тут бы, после такого открытия Андрону впору задаться вопросом: Но зачем? – Но Андрон им не задался, – он скорей всего уже догадался, – а как только догадался, то ещё сильнее раскраснелся и в припадке злобы прохрипел. – Так вот зачем и по чью душу прибыл сюда этот Свят. – А как только Андрону открылась эта истинная причина нахождения здесь Свята, – а он скорей всего до последнего будет от него это скрывать, отвлекая его на другие несущественности, – то он принялся судорожно соображать, как себя теперь вести и что говорить этому Святу. И Андрон надумал.

– Раз нужен Экономист, то он его получит. – Подвёл итог своему размышлению Андрон и, посмотрев на Свята ясным, незамутнённым памятью воспоминаниями взглядом, обратился к нему. – Я вспомнил.

– Говори. – Сразу же отвечает Свят, пока этот Андрон опять не уснул думать над правильным ответом.

– Не поверите, – начал Андрон, – «Поверю», – вставил Свят. Андрон прокашливается, для того чтобы прочистить своё горло и дать понять Святу, что лучше не надо его перебивать и затем продолжает начатое. – Я почему сразу и не сообразил, и не сразу вспомнил об этом (!), а потому, что тот странный тип как раз сидел здесь, на моём месте. – Андрон переводит свой взгляд на свой стул и после небольшого размышления, дополняет. – И вполне возможно, что именно на этом стуле.

Свят в свою очередь смотрит одновременно на Андрона и на стул, и что-то ему во всём этом не нравится. Ну а так как Свят в отличие от Андрона не скрывал своих мыслей и был

человеком с душой нараспашку, то он не стал утаивать от Андрона, что он всё на это и насчёт Андрона думал, и напрямую выразил ему свои сомнения на его счёт.

– А ты это не для того всё придумал, чтобы облегчить своё место пребывания на стуле? – спрашивает Андрона Свят. На что Андрон искренне и чуть ли не плача недоумевает, как так можно не доверительно о нём думать и что ему даже становится обидно за то, что он к нему, как к человеку представляющему его интересы на госслужбе, со всей душой, а он выдвигает предположения, что он кривит душой.

– Ладно, поверю, если признаешься, что на чуть-чуть, да покривил душой. – Сказал Свят, опять прищурившись. И, конечно, Андрон был бы он последний негодяй и лжец, так бы и сказал, и тем самым покривил своей душой, но он не последний такой плохой человек и не может быть таким убедительным лжецом, а значит, готов претерпевать и дальше за свою правду. В общем, Андрон неопределённо покивал головой. Из чего было совсем непонятно, к какой оценке себя он придерживается на данный кульминационный момент. Ну, а Свят всё отлично понял – как всегда решение выносить ему – и тяжело вздохнув, отчего также тяжело стало и Андрону (Свят таким образом продемонстрировал Андрону, то по какому принципу функционирует правовая система – всё взаимосвязано, стоит ему только чихнуть, то это будет отчихиваться и Андрону), приподнялся и освободил Андрона от собственной несамостоятельности.

Когда же отведённое Андрону время на то, чтобы он справился с обуревающим его восторгом в области ноги, которому особый эффект доставлял возобновившийся приток крови вышло, то Свят убедительно на него посмотрел и Андрон, ещё раз потеряв ногу, принялся до рассказывать.

– Знаете, в наше такое изменчивое время, ещё вчера вызывающее недоумение и желание покрутить у виска поведение людей, сегодня уже становится столь обычным, что уже начинают казаться странными те люди, кто сегодня удивляется этому вчерашнему странному поведению людей. – Андрон выдохнул и, посмотрев на Свята, продолжил.

– Может это вам покажется не странным, но тот, с натянутым на голову капюшоне тип, что сидел на моём стуле... – и вот тут-то, Андрон только и осознал то, о чём говорил, а как понял, то как всполошенный, в один момент рефлекторно подскочил со стула, и всё, тут же был цепко пойман за руку Святом, чья реакция побыстрее, чем даже природная человеческая рефлексия.

– Куда собрался? – подтянув к себе Андрона, таким тяжёлым голосом это спросил Свят, что тот прямо-таки это почувствовал на себе, ещё сильнее пригнувшись, даже не к находящемуся от него через стул Святу, а к сидущке того стула, на котором он до этого момента сидел. Но не сводящий своего взгляда с сиденья своего стула Андрон, на этот раз проявляет несвойственную ему твёрдость убеждений и уперевшись всем собой, где он главный упор делал на свой взгляд на стул, в таком положении над стулом и держится.

А такое поведение Андрона не может не удивить Свята. – Ты что там увидел? – спрашивает Свят Андрона и, не дожидаясь ответа, сам смотрит на это вычищенное задами сидельцев сиденье. Но Андрон, не сводя своего взгляда с сиденья, пока молчит или выдерживает паузу, что не ясно. Свят между тем пригляделся к сиденью стула и, наконец, увидел, что ввело в такой умственный ступор Андрона – там был нарисован глаз или всевидящее око, кому как больше пугающе не нравится.

И, наверное, могло показаться странным, то как Андрон живо отреагировал, увидев этот рисунок, мало ли чего рисует на стульях ищущая в себе выход молодёжь, но этот рисунок был выполнен так профессионально и качественно, что казалось, что он будто бы живой, и стоит к нему приблизить палец, то он тут же возьмёт и моргнёт.

При этом этот Свят, вместо того чтобы осуждающе покачать головой и возмутиться за такое вандальское отношение к имуществу со стороны однозначно молодёжи, берёт и прыскает от смеха. Правда к его оправданию надо сказать, что он это сделал невольно, да и к тому же

это помогло привести в чувство Андрона, который, наконец, очнулся и перевёл свой взгляд на него.

Ну а Свят, заметив как на него смотрит Андрон – ему явно хотелось услышать объяснения – так уж и быть, решил ему объяснить свою реакцию. Правда Свят всегда всё так объясняет, что становится ещё только хуже и, кажется, что он просто издевается над тобой и здравым смыслом.

– Да, понимаю тебя. – Начал вроде бы ничего Свят. – Сидеть на чьём-то глазу, который заглядывает тебе прямо в твоё нутро, это не каждый осилит. И меня даже удивляет, как это ты так долго смог усидеть на одном месте, ведь тебя там наверняка свербело. – Андрона по мере развития темы Святом в таком издевательском для него ключе, начало потрясывать от злости и переполнять возмущение. Но Свят как будто не видит, какой Андрон возмущённый и красный, и он продолжает гнуть свою издевательскую линию.

– Я бы, наверное, так не смог, и сразу же почувствовал это неудобство, сядь я на чей-то глаз. Знаешь, – доверительно так обратился к Андрону Свят, – это как в сказке «Принцесса на горошине», где принцесса не могла спокойно спать, если под десятью перинами, закатившись, оказывалась горошина. Так и я, наверное, отпрыск какого-нибудь королевского рода, если даже нарисованный глаз на стуле сразу же почувствовал бы. А я ведь своих родителей не знаю – меня подкинули в детский дом. И, пожалуй, существует своя вероятность того, что я дитя греха какого-нибудь королевского или княжеского рода. Например, уже не столь здравствующей, а скорее чихающей, королевской ветви Уотских. Хотя мне всегда ближе было наше отечественное выражение этого западного принцепса. Добрый молодец, по мне так куда значительней и без всякого юления вокруг да около белого коня, за которым вечно прячутся все эти принцы, сразу характеризует и показывает, что от него можно ждать и не ждать. – Тут Свят замолчал, задумавшись над чем-то своим. Но правда ненадолго, и он после небольшой паузы обращается к Андрону:

– А может тебе есть что скрывать, если ты так себя ведёшь? – без тени намёка на шутку, чего вдруг сейчас захотелось увидеть Андрону, более чем серьёзно спросил его Свят. И Андрон по прежнему находясь в подвешенном положении, после такого, честно сказать, провокационного вопроса Свята, – а у кого нет своих секретов и тайн, но попробуй скажи, что есть такое дело, то это немедленно будет расценено по своему, – окончательно растерялся и, забыв о том, что там его ждало на стуле, не стал больше сопротивляться и опустил на него.

Но Свят на это всё смотрит со своей точки зрения и видит в этом хитрость Андрона, который таким образом ответил ему на его вопрос – а вот у меня нет перед следствием и перед вами никаких тайн, и мне нечего скрывать, и в доказательство всего этого, я даже сяду на этот стул. И пускай меня на нём изучают со всех неприглядных сторон и заглядывают туда, куда даже я заглянуть не имею возможности. Вот такой я открытый для всех человек. – Но у Свята есть свой ответ на эту демонстрацию силы Андрона.

– Не хочу тебя пугать, – начинает издали Свят, что уже напрягает и само собой пугает Андрона, – может просто я такой про себя (очень уж хитро и многозначно это звучит) мнительный человек. Как представлю, что сижу на чьём-то глазу, а тот всё смотрит и смотрит там на меня в меня, и ему от этого всего моего загляденья, так до тошноты хочется моргнуть, что уже у самого начинает свербеть, сам понимаешь, в каком месте. – Тут Свят тяжело вздохнул. – Но он не может, – вдруг порывисто заговорил Свят, – он придавлен моим задом. И этот глаз от безысходности своего положения, начинает, хоть и с трудом, но шевелить своими ресницами, чтобы хоть как-то дать сигнал наверх – да что там за такой не пробивной зад, поёрзай ты хоть не много! – Свят искоса посмотрел на Андрона и того видимо зацепило то, что сказал Свят. И Андрон начинает слегка приподниматься со своего места.

И только было Андрон приподнялся, как вдруг Свят хватает его за плечо и настойчиво фиксирует его в этом приподнятом положении. – Только не смей собой закрывать глаз. –

Глядя в глаза Андрону, затаённым голосом заявляет Свят, и Андрон, за сегодня натерпевшийся столько, сколько он за всю свою сознательную жизнь не претерпевал, уже и не собирается осмысливать и разбирать, что всё сказанное Святом значит – шутит он или так, издевается – а застыв в одном приподнятом положении, принимается ждать, куда его дальше посадит Свят.

Что же касается Свята, то так и не выяснилось, что на самом деле побудило его так сказать и действовать, но пассивность поведения Андрона или может усталость от всего этого с ним общения, всё-таки сказала, и Свят просто решил подвести итог всему этому, непонятно с чего начавшего и к чему пришедшему разговору. Для чего Свят отодвигает Андрона от его стула и с желанием эффектно закончить свой разговор с Андроном, – сейчас уже и не выяснишь, чего на самом деле ожидал продемонстрировать Свят, – со словами: «Смотри, что ты наделал», – указывает ему на его место сидения.

Андрону же ничего другого не остаётся делать, как подчиниться и посмотреть туда, куда указывает рука Свята – Свят же тем временем не сводит своего взгляда с его лица и наблюдает за его реакцией. И поначалу, то, что увидел на лице Андрона Свят – нескрываемое недоумение – было им ожидаемо и поэтому обрадовало его, но по мере того как на лице Андрона стал расти и расти градус изумления, то Свят и сам начал удивляться тому, что там опять такого увидел этот склонный к удивительным значениям своего лица Андрон. И Свят, повернувшись в сторону стула, посмотрел на него.

Ну а там, идеально чистая, без единого намёка на загрязнение поверхность стула. – А где же глаз? – ничего не понимая, посмотрев на Андрона, задался вопросом Свят. После чего он, пренебрегая любым сторонним мнением, хватая Андрона за пояс штанов и разворачивает его к себе задом. Там он убеждается, что на этих чёртовых штанах ничего не разберёшь, возвращает Андрона на прежнее место, затем возвращается к стулу, более чем внимательно, с ощупыванием его поверхности пальцами, на него смотрит и, убедившись, что ничего не понятно, смотрит на Андрона и спрашивает его. – И что это было?

Андрон же при данных обстоятельствах, теперь уже без опаски для себя, мог бы в ответ сказать: «Нашёл кого спрашивать. Я так же как и ты в шоке», – но он вдруг вспомнил, что он злопамятный и поэтому с этого Свята надо как следует спросить. – А может здесь ничего и не было? – как сумел, так и спросил со Свята Андрон (понятно, что первый блин комом).

– Но мы же видели нарисованный глаз? – как-то не совсем понял ответ Андрона Свят, переспрашивая его.

– Закрывать глаза на видимость можно по-разному. – Многозначительно сказал Андрон и в том, что он в таких вещах разбирается, можно было не сомневаться (хотя он и здесь проявлял выборочность) – его должностные обязанности из того и состояли, чтобы на что-то закрывать, а на совсем другое прищуривать свои глаза. И тут Андрона после этого его ответа, вдруг осенила страшная догадка (из всего этого выходит, что он как оказывается, глубоко мыслит) – А может это был чей-то посыл мне. – А как только он осознал всю глубину своей высказанной мысли, то ему стало не по себе от того, до чего он додумался и до чего может додуматься дальше. – И что теперь после этого думать? – заволновался за себя про себя Андрон. – Что кто-то хочет мне указать, что он больше не будет закрывать глаза на меня и на мои проступки. – По Андрону аж пробежались мурашки от новых нехороших предчувствий, которые начали нарождаться вслед за ходом его мысли. – Нет, там изначально ничего не было и это мне пришло в голову. – С трудом попытался себя переубедить Андрон.

Свят же тем временем пытался разобраться в том, что значил этот данный ему ответ Андрона. И нет ли тут в нём скрытой иронии и желания этого Андрона исподтишка уколоть его. Но судя по физиономии Андрона, то ему точно не до смеха, и Свят, понимая, что при данных обстоятельствах, чтобы разобраться в случившемся нужно прибегнуть к гласности, начинает рассуждать вслух.

– Если этот рисунок так, с последующей пропажей из поля зрения увиделся бы кому-нибудь одному из нас, – заговорил Свят, глядя на Андрона (Андрон сразу понял, кому по мнению Свята, мог так увидиться рисунок – и это даже не обсуждается), – то можно было предположить, что он под воздействием каких-нибудь стрессовых факторов, а может той же мнительности – тебя никто не любит, а может так любит, что готов преследовать тебя до гробовой доски, вот тебе за каждым углом и мерещиться, что за тобой следят (а всевидящее око, это точно знак) – просто привиделся. Но мы-то его видели вдвоём, а это значит, что это нам точно не привиделось и здесь определённо что-то другое. – Свят в задумчивости опускает глаза и смотрит на стул. И тут неожиданно Андрон влезает в ход размышления Свята.

– Иллюзия. – Говорит Андрон, отчего Свят вздрагивает, поднимает глаза на него и переспрашивает. – Что ты сказал? – Андрон же в ответ повёл себя странно. Так он вначале посмотрел по сторонам, где на самое мгновение задержался на раздаче – там он увидел Валентинчика (это объясняет его задержку) – и с таким выражением лица, как будто он знает нечто такое важное и секретное, наклоняется к Святу, где он тихо ему говорит:

– Это иллюзия.

– И что? – совсем не поняв, к чему все эти странные церемонии, спросил Свят.

– А то, что иллюзия это всегда инструмент в чьих-то руках, с помощью которого добиваются неких поставленных целей. – Заговорщицким тоном, полушёпотом проговорил Андрон. И что удивительно, так это то, что он сумел настроить и убедить Свята в возможности того, что такое может быть. Ну а Свят всегда оперативно действовал и мыслил, на то он и оперативник, и он быстро всё в уме проанализировав и сопоставив, задаёт Андрону вопрос. – Так кто же на этом месте вчера сидел?

Ну а Андрон в отличие от Свята не умеет так быстро реагировать и связывать в единое целое только с виду не связуемое, да и вообще, Андрон уже и запамятовал о том, что послужило тем толчком, который и привёл к этому открытию. И Андрон даже и не сообразил сразу, о чём его спрашивают и только наморщил свой лоб, пытаясь понять, что Свят такого хочет отыскать.

Свят же не может ждать и он в нетерпении даёт Андрону наводящие подсказки. – Ты же сам говорил, что на этом месте вчера сидел странно себя ведущий себя человек.

– Ах, да. Экономист. – Обрадовано сказал Андрон, наконец-то поняв, что от него добиваются.

– Да, точно. – Подтвердив, Свят ожидающе посмотрел на Андрона. Андрон же, видя какие ожидания на него возлагают, вдруг осознал, что и позабыл, почему он, вообще (а всё просто, когда опасность связанная с кольцом отлегла, то многое сразу же забылось) придал такое значение тому типу. – Этот Свят настаивал на этом. – Единственное, что вспомнил Андрон. Но вспомнил ты или нет, отвечать всё равно нужно и Андрон как смог ответил.

– Тот вчерашний тип, чем меня вчера так заинтересовал, что он, во-первых, зачем-то натянул на голову капюшон своей куртки – этим он и привлёк моё внимание к себе, знаю я, к чему, как правило, ведёт такая скрытность – а, во-вторых, то, что он время от времени делал записи в свой блокнот. В чём, скажите, нет ничего необычного. Это мол, всего лишь студент или какой-нибудь поэт, где первый конспектирует, а второй отрифмовывает мир. И понятно, что они без блокнота никуда – муза ведь ждать не любит. Но когда по своим служебным обязанностям чуть ли не через день имеешь дела с представителями проверяющих служб, то тут хочешь, не хочешь, а глаз набьётся в их определении. И я с первого взгляда на этого типа понял, что он здесь не просто так, чтобы конспект написать. – На этом месте Андрон потемнел в своём взгляде, даже не сквозь Свята, а сквозь временное пространство, где он находился там за стойкой раздачи, а тот примеченный им и названный Экономистом тип в капюшоне и с блокнотом в руках, сидел на этом самом стуле и за этим столом.

И Андрон вдруг так отчётливо вспомнил тот самый первый момент, когда он только заметил этого Экономиста, что даже вздрогнул, увидев обращённый на себя взгляд темноты из глу-

бины капюшона этого человека. И как бы Андрон не хотел отвернуться и не смотреть в эту темноту, он ничего с собой не может поделывать – она, притягивая его к себе своей зловещей тайной, не отпускала от себя. И единственное, что для Андрона в этот миг существовало, то эта темнота и стоящий в голове вопрос. – Что же там, в темноте капюшона?

И так до тех пор, пока ручка в руке Экономиста не задвигалась и не заскрипела (Андрон мог на что угодно поспорить, что он отчётливо слышал этот скрип – и плевать, что здесь с двух шагов уже ничего не слышно), плавно перемещаясь по поверхности блокнота. После чего Экономист переворачивает страницу и Андрон вдруг понимает, что его, не то чтобы отпустило всё это какое-то наваждение, а он, как оказывается, теперь стоит совсем в другом месте, и не понимает, как так получилось, что только что перед ним стоял Валентинчик, а сейчас его уже нету.

И это так сильно взволновало тогда Андрона, что он, переключив всё своё внимание на Валентинчика, – ну только попадись мне на глаза этот негодяй, – тем самым оттеснил на задний план своего внимания того странного человека. И когда тот чуть позже попадает на глаза Андрона, то он уже вызывает у него другого рода интерес. Набитый глаз Андрона подсказывает ему, что такая деловитость движений его рук с ручкой и блокнотом, явно указывает на то, что он имеет отношение к тем деловым кругам, кто, либо ведёт учёт всему, либо обладает правами делать выводы. А раз он имеет отношение к проверяющим структурам, то игнорировать его присутствие никак нельзя. И Андрон принимается за ним присматривать.

– Он как будто вёл учёт всему происходящему, – каким-то прямо потусторонним голосом из прошлого, что навевало особую таинственную атмосферу и придаёт его рассказу тревожность, заговорил Андрон, – фиксируя у себя в блокноте ... – но тут Андрон запнулся на том, что его перебила памятливая мысль о всё том же Валентинчике, которая в своё вчерашнее время увела его искать Валентинчика, а когда он вернулся в зал, то этого типа уже не было на месте.

Сейчас же на Андрона смотрел не пустой стул, хотя и не без него, а на него смотрел Свят и требовательно ждал продолжения. Но какой может быть продолжение, когда Андрона сбили с мысли, и единственное, что он может сказать, то, что не заметил, как тот исчез.

Но Свята такое тупиковое развитие событий разве может остановить и он, вспомнив об настоящей цели этого разговора, спрашивает Андрона. – Камеры видеонаблюдения, куда у вас здесь вещают? – Андрон в ответ на этот вопрос ведёт себя предсказуемо. Так он по мере того как вспоминал, где все эти камеры находятся, перенаправлял свой взгляд в ту сторону, где находилась камера и указывал на неё.

– Одна находится на улице, при входе. – Махнув в сторону дверей, сказал Андрон. – И две камеры находятся здесь, в главном зале. – Повернув свою голову вначале в сторону раздачи, а затем в противоположную сторону, где находились подсобные помещения, таким образом Андрон объяснил Святу, где находятся камеры.

– И это всё? – спросил Андрона Свят, посмотрев на него таким доверительным взглядом, что Андрон, даже если бы и хотел, каким-нибудь враньём обмануть его доверие, то не смог бы решиться на это. И Андрон, потупив взор, тихо сознался в том, что он на самом деле не такой жёсткий человек, за которого его все здесь принимают, а он чуть ли не тряпка, об которую вытирает ноги служба безопасности их заведения. И что эти мордovorоты из службы безопасности, ни совести у них, ни чести, установили ещё одну скрытную камеру в женском туалете, и он об этом только недавно и случайно узнал, подслушав их разговор.

И, наверное, узнай об этом откровении Андрона сотрудники безопасности его заведения и в особенности их начальник Лоб, то все они были бы бесконечно удивлены тому, какое они как оказывается важное место занимают в этом заведении, – а они по своей неповоротливой глупости думали, что там, на задворках заведения, в самой неприспособленной для человека комнате, под названием чулан с оборудованием, – и заодно в душе Андрона пугающегося от одного их шага.

Ну а Свят, дабы убедиться в том, что Андрон точно ему ничего насчёт скрытной камеры в туалете не соврал, спрашивает его о том, чего там охранники шептались. И такая любознательность Свята к такого рода пикантным подробностям, может быть и не украшает его, но когда это нужно для дела, то ничего тут не поделаешь, приходится слушать и в ответ хохотать без умолку – только для того, чтобы себя не выдать за скучного человека (понятно что за оперативника) и для затравки, чтобы ещё больше разговорить рассказчика. К тому же Свят, будучи натурой слишком увлечённой насчёт слабого пола, который ему хочется всегда защищать и ограждать от опасностей, ничего с собой не может поделать, когда речь не просто заходит о них, а когда полученная информация может открыть другую, мало приглядную сторону слабого пола.

– Они всё больше удивлялись. – Андрон сходу своим ответом удивил Свята, который, конечно, всегда был удивлён насчёт слабого пола, но с таких чересчур удивительных позиций он редко на них смотрел. Хотя, если принять в расчёт местоположение камеры, то всё это объяснимо, как и то, что хочется поскорее узнать, что там такого удивительного увидели охранники. Правда выдавать перед этим, находящимся в пока что в качестве свидетеля Андроном, свои слабые места – какой пол, такие и места – непозволительная роскошь... которую только Свят себе позволить может.

– Интересно, – почесав затылок, говорит Свят и, покосившись боковым взглядом на Андрона, спрашивает его. – И что они такого удивительного там увидели? – Ну а это «там», так многозначительно прозвучало, что Андрон на ровном месте споткнулся и тем самым Свят остался без ответа и ему пришлось только догадываться об ответе, пока запись с камеры не окажется у него – но это будет чуть позже.

– Вижу, что ты уже устоять на месте не можешь, так тебе не терпится пойти нам навстречу. Так что давай, пошли. – И только Свят, сказав это, собрался приподняться с места, как сзади на него, а вернее на спинку его стула, чуть – касательным срезом – не налетает слишком куда-то спешащий человек. Что перебивает его мысль и главное разворачивает его в противоположную его прежним намерениям сторону, где он только видит уже скрывающуюся в дверях спину незнакомца.

– Козёл! – так бы и вслух сказал Свят, находишься он не при исполнении, а так он только покачал головой на этого неосторожного человека, которому такие длинные ноги даны лишь в качестве компенсации его умственной отсталости. С чем, с глубокими мыслями о том, что в мире столько ещё людей не смыслённых, гоняющихся и не пойми зачем, начал поворачиваться назад, как вдруг до него, и не поймёшь откуда, доносится фраза: Не верь всему, что видишь.

Что заставляет Свята на всего лишь одно мгновение и то только в физическом плане, замереть на месте – в голове-то, ещё как идут движения. – Что ещё за умник нашёлся! – про себя возмутился на такую вопиющую бесцеремонность этого и не пойми кто, Свят. – Как будто я это и без него не знаю. И если хочешь знать, то я к тому же не верю и всему сказанному, и особенно теми, кого не знаю, и кто себя так без спросу ведёт. – После чего переполнившийся всем этим возмущением Свят и, не заметив как, вдруг оказывается лицом к лицу к Андрону. На которого и выливается это переполнившее Свята возмущение.

– Ты это слышал? – возмущённо спрашивает Андрона Свят. Ну а Андрон, ни сном, ни духом обо всём том, что тут такого невероятного со Святом случилось. А ведь Свят даже и не задумывается над тем, что всё, что касается его, не обязательно должно касаться других. Ему ошибочно кажется, что раз он что-то там услышал, то и все должны это слышать. А ведь это может быть всего лишь порождение его возмущённого духа – Святу не удалось выпустить пар на того коз... слишком спешащего и неприятного человека, и его организм в целях самозащиты, взял и всё этого успокоительного ему в голову наговорил.

Впрочем, Свят вовремя спохватывается и, не став требовать от Андрона ответа, поднявшись со стула, правда на этот раз он это делает более осмотрительно, чем прежде, выдвигается с ним по направлению того служебного входа, где находятся записи с установленных в зале веб-камер (вот так удача, а ведь Свят для этого дела подрядил Фому, а тут вот как всё получилось – правда как вскоре выяснится, то и для Фомы нашлось дело).

Пока же на этой части пространства кафе происходило эта суть да дело, отправленный Святом Фома, тоже за зря времени не собирался терять. И он не виноват в том, что кто-то первым в эти тёмные коридорные пространства заглянул и так сказать, сообразно своему видению, сделал насчёт Фомы свои выводы.

Так вот, когда Фома прошёл по коридору, ведущему куда-то дальше вглубь внутреннего устройства кафе, а вот куда точно он пока ещё не знал, то первое на что он наткнулся, так это на довольно интересную мысль. – Интересно, что подумают и как отреагируют те люди, к которым я иду, когда я вдруг внезапно выскочу из темноты и окажусь перед ними? – усмехнувшись, задался вопросом Фома и, представив в один момент обалдевшие и потерявшие живой вид лица охранников за мониторами, тем самым сам ответил на этот свой вопрос.

– Надо, наверное, по тише себя вести. А то сюрприз не получится. – Решил Фома, передумав чихать. После чего оглянулся назад и, убедившись, что там вроде бы никого нет, повернулся обратно, затем потрогал себя на груди, где находился пистолет, и только после всех этих приготовлений выдвинулся вперёд, где его в первую очередь ждало не такое яркое освещение, какое было сзади, в главном зале кафе.

А вступление в мало освещенные места, хочешь того или не хочешь, а на уровне рефлексов заставляет напрячься организм, а сам вступивший на этот путь храбрец или только вступивший на путь храбреца человек, начинает даже не тревожиться, а осмысливать то, что его впереди ждёт, а может не ждёт, в общем, готовится к тому неизвестному, чем характеризуется всякий новый путь.

И хотя Фома насчёт себя может без лишней скромности сказать, он уверен в себе (он мог бы сказать, что он смел и немножко храбр, но так как он плюс ко всему ещё и не болтлив, то он решил подчеркнуть себя так), всё же это не отменяет того, что всё же не нужно пренебрегать своим благоразумием и переть напролом. – Темнота такая штука, что может привести к чему угодно. – Только было так подумал Фома, как до него откуда-то из впереди, доносится тот самый всем известный звук шороха, который почему-то всегда всех пугает – это когда кто-то вдруг неожиданно для себя наткнулся на вас и, чтобы вы его не заметили, хочет затаиться, но у него ничего из этого не получается, а тот, от кого он хотел затаиться, как раз слышит этот звук отражения этого его желания затаиться (вот такая круговая абракадабра получается – в темноте самые простые вещи начинают видаться в самом таинственно-тёмном свете).

И первое, что в таких случаях делает человек, обнаруживший эти насчёт себя намерения неизвестного, так это хватается за оружие, если он уверенный в себе человек, как Фома или за сердце, если он чувствительная, боящаяся белой мыши дама. И так как на месте обнаружившего этот шорох человека оказался Фома, то он и сам не заметил, как в его руках уже находится пистолет. Когда же Фома заметил насколько он быстр и молниеносен, то это вызвало у него невольное чувство гордости за себя и большой скепсис насчёт того, кто там, в темноте, решил поиграть с ним в прятки.

Ну а как только Фома видит всю свою подготовленность к встрече с тем неизвестным, то он чуть вперёд выдвигает своё лицо и начинает вглядываться впереди стоящую темноту. Но как вскоре им выясняется, то его противник не только неуклюж, но что ещё много хуже, он коварен – он так умело спрятался и затаился, что Фоме не удаётся его рассмотреть. А раз этот неизвестный столь непредсказуем, то Фоме ничего другого не остаётся делать, как предупредить его о том, что он давно его заметил и догадывается о его насчёт себя злостных намерениях. Так Фома, чтобы дать шанс тому неизвестному сохранить своё лицо во всех смыслах

этого выражения, для начала обращается в его сторону с самой распространённой в таких случаях фразой.

– Кто там? – спрашивает темноту Фома и, взглядываясь в неё, ждёт, когда здравомыслие восторжествует в том спрятавшемся негодяе (он уже вывел Фому, вот он и не сдержался от таких отзывов). Но видимо тот тип слишком сильно рассчитывает на своё упорство и на то, что Фома поверит всему тому, что не услышит, раз он и звука в ответ не проронил в ответ. Но Фома не таков человек, каким он представляется тем неизвестным типом из темноты – слабаком (со стороны конечно видней, но только не из темноты), и он, видя, какой всё-таки тот наглец, решает вступить на его же путь хитрости и поймать его на неё.

– Поздно уже прятаться, я тебя заметил. – С показной весёлостью говорит Фома, в то же время ни на миг не ослабевая рукоятку своего пистолета, который ему, он больше чем уверен, скоро понадобится. Но и на этот раз в ответ слышится только одна тишина и при этом так продолжительно, что Фома уже начинает сомневаться в себе и в своём слухе. И ещё чуть-чуть и он уже будет готов поверить какому другому объяснению случившемуся, а не самому себе, всё это слышавшему и видевшему. И пока это чуть-чуть не наступило, Фома делает последнюю попытку переубедить того неизвестного так больше не делать. И Фома, подняв вверх пистолет и, направив его в темноту, грозно так заявляет:

– Слушай сюда, даю тебе последний шанс. Если сейчас ты не выйдешь, то я буду стрелять! – И начинает в таком положении ждать ответа. Но ответа опять нет, и Фома начинает себя чувствовать не только менее уверенным в себе человеком, но как-то даже глупо. А это заставляет Фому передумать насчёт всего сейчас происходящего.

И на этот раз полумрак темноты помог Фоме выкрутиться из этого неловкого положения. И пока его никто не видит, он с язвительной усмешкой быстро убирает свой пистолет себе за пазуху и, вновь обернувшись назад и, убедившись в том, что он был единственным зрителем всего этого странного спектакля, решает немного пренебречь собой и миновать этот тёмный коридор быстрым шагом.

И если первый, совершенно прямой отрезок пути – потому что не видно – был преодолен Фомой без всяких задержек и их причин, происшествий, то стоило только ему сделать поворот, то тут-то он и натолкнулся своим лбом на поджидавшую его за углом неожиданность, в виде чьего-то, искры из глаз Фомы выбивающего кулака или может и чего другого что покрепче – Фома не успел этого заметить, да и по большому счёту ему было совершенно без разницы, чем его там отправили в глубокий нокаут.

И даже тогда, когда Фома, очнувшись, пришёл в себя, то и тогда ему в голову не пришла мысль задаться этим вопросом. Хотя в этот момент у него для этого были куда как веские основания – его голова была переполнена куда как более важными вещами и вопросами. Например, такими: «А какого хрена я тут делаю, лёжа на полу?». Или ещё такой вопрос: «Интересно, а Свят догадывался о том, что здесь так опасно?». Ну и как следствие второго, прозвучавшего в голове затруднения, третий вопрос: «Бл*дь, где мой пистолет?», – который вначале привёл его к сердечному обмороку, а потом когда Фома нащупал его холодный ствол в своих штанах (и как интересно, он туда попал), то он, взбодрившись таким образом, тем самым смог собраться с самим собой и со своими мыслями.

– Что-то мне подсказывает, – посмотрев по сторонам, подумал Фома, – что меня опередили. И как совсем скоро, после того как Фома добрался до той спрятанной от всех комнаты (не зная о скрытой камере, трудно понять зачем заведению понадобилось ещё один пункт наблюдения, хотя может быть хозяева заведения скудны и до сих пор используют устарелое оборудование, не предусматривающее централизацию всех камер; а может и что иное, как с той же скрытой камерой), где за монитором пригорюнившись сидел одинокий охранник, которого он тут же несказанно удивил, и не сказать, что своим появлением, а скорее своим внешним, да таким разбитным видом, что и в солнечный день при большом скоплении народа чувству-

ешь себя не защищённо рядом с такой рожей как у Фомы, а тут при таких безлюдных и тёмных обстоятельствах, и вовсе становится невыносимо сюрпризно страшно (хоть в этом Фома не ошибся).

И охранник при таком его неожиданном, и что главное, внушительном появлении, где Фоме даже представляться было не нужно, по нему и так всё видно – с ним лучше не спорить и во всём соглашаться – только и сумел, что застыв в самовыражении своего изумления, в испуге горлом ёкнуть.

Фома же совершенно не обращает внимание на то, что при других обстоятельствах его бы впечатлило – какое впечатление вызвало его появление на лице охранника – а он, подскочив к охраннику, достаточно резко спрашивает его. – Кто сейчас до меня здесь был?

И хотя от охранника можно было ожидать куда как меньшего – при его-то испуге, он имел полнейшее право не вменять – но он не стал, вылупив глаза в удивлении, отмалчиваться, а дал вполне себе осмысленный ответ. – Да такой же, как и ты бандит. – И судя по ответу охранника, то и он не испытывал недостатка уверенности в себе, и только умение того бандита и Фомы так неожиданно появляться перед ним – а первый незванный гость к тому же сразу ему вломил – не позволяло ему как следует среагировать.

Ну а это заявление охранника, несмотря на то, что оно было с первой до последней буквы неверным, не стало рассматриваться Фомой с этой стороны, за что он мог был привлечь этого охранника за клевету, головой прямо в стол, а вот с той, что оно по своей сути значило, ему с прискорбием пришлось. – Диски с записями? – заметив творящийся беспорядок на столе, Фома, посмотрев на охранника, спросил его о том, о чём уже было запоздало спрашивать.

– Они у него. – Даёт пространный ответ охранник, кивнув в сторону темноты, откуда пришёл Фома. И Фоме только и остаётся, что выяснить, как выглядел тот бандит. О чём он и спрашивает охранника. Но и здесь Фому ожидала неудача. Тот бандит, кто на каждом шагу опережал Фому на один шаг и здесь всё предусмотрел. Он при приходе сюда, не счёл нужным представляться и сходу приложил голову охраннику к столу так крепко, что он в себя пришёл только тогда, когда Фома здесь появился – вот он со зла, так о нём и обознался.

И что теперь Фоме докладывать и представлять на рассмотрение Святу, кроме своего разбитого носа. Да, в общем-то, ничего, и Фома, не ища оправданий (как-то ничего в большую голову не шло), только это и представил Святу, встретив его на выходе из кафе.

Свят же не стал спешить с выводами, такое дело требовало внимательного рассмотрения. Нет, конечно, он сперва вспылил, и как только увидел Фому с такой разбитой физиономией, то сразу же разорался: «Какая падла?!». И при этом он не просто так разорался, где не совсем было понятно, кого он там имел в виду так выражаясь, а с рукоприкладством – он схватил Фому за грудки и принялся так его трясти, что из Фомы вытряслись последние крупинцы разума. И не трудно догадаться, что Фома ничего яснее уже сказанного Святом, не смог насчёт той падлы сказать.

После чего настаёт внезапное затишье и то только потому, что Свят всем это приказал. Так он, глядя на Фому, предупредительно заявил. – Подожди! – Здесь следует очень внимательная к Фоме и к себе пауза со стороны Свята, которая неожиданно заканчивается озарением Свята. Где он ещё пока неосознанно пробормотав: «А не тот ли это тип, который...», – тем самым даёт Фоме широкое пространство для размышления над этой загадкой. Но по тому, как Свят сейчас посмотрел на Фому, можно было догадаться, что Свят, уж для себя-то точно нашёл ответ на загадку упомянутого им вскользь типа.

А как только Свят ответил себе на этот вопрос, то он уже иначе, с этим открытием посмотрел на Фому. И на основании знаний этого, совершенно не знакомого для Фомы человека, начал делать насчёт Фомы категорические выводы. Мол, я насчёт тебя Фома поспешил, бросившись сломя голову тебя защищать. Тогда как ты Фома, что за человек такой вреднейший, зная, что ты заслуживаешь большего, чем то, что с тобой сделал тот бандит, взял

и умолчал обо всех обстоятельствах случившегося, и вместо того чтобы остановить меня, стоял и пожинал плоды своей падшей славы – даже какой-то бандит оказался проворнее и ловчее тебя, представителя закона, на которого государство столько средств, как оказывается, не вложило, а выбросило в трубу. А так тебе не помешало бы и с моей стороны добавить заслуженных тумачков. И можешь не сомневаться, я тебе добавлю, как только ты ещё дашь для этого повод. Ну а здесь Фома почувствовал, что гроза миновала – чем грозней обещания, тем меньше шансов на их осуществимость – и можно было спокойно вздохнуть.

Ну а как только Свят более-менее успокоился, то он с этого нового спокойного начала, для начала с серьёзным видом рассматривая побитую и поникшую физиономию Фому, от души отдохнул при таком его виде. После чего сделав страшное в своей мстительности лицо, заверил Фому, что такое дело всё-таки спускать с рук нельзя и тем более кому-то ни было, и что он под личный контроль возьмёт это мстительное дело. – Да этому гаду, меньшее на что можно надеяться, так это на такую же точно рожу что у тебя! – звучно так, и главное, не совсем понятно для Фомы сказал Свят, что Фома, потрогав свой нос, в недоумении – как это всё понимать – растерялся, вопросительно глядя на Свята.

Ну а Свят из кармана демонстративно вытаскивает пару коробок с дисками, и с радостной хитринкой в глазу подмигивает Фоме, в результате чего вызывает у Фомы ответную понимающую улыбку. После же того как понимание достигнуто, они больше здесь не задерживаются и держат свой путь к себе в участок.

ГЛАВА 4

Всё больше наблюдения и пища для размышлений

– Вот и поспешили. – Нарушил молчание Свят, после долгой и тяжёлой паузы вызванной потрясением от обрушившейся, как снег на голову, трагической новости – та «каре́та» скорой помощи, которая вызвала с их стороны ехидную усмешку насчёт включённой сирены, как они по приходу в участок узнали, попала в жуткую аварию и, вспыхнув как спичка, выгорела дотла. И хотя обошлось без жертв, – водитель с пассажиром через лобовое стекло сумели вовремя покинуть салон автомобиля, – всё же эта новость произвела на Свята и находящегося в его кабинете Фому гнетущее впечатление. Они знали, что или будет вернее сказать, кого перевозил этот автомобиль, и от понимания того, какая судьба досталась той перевозимой в этой «каре́те», уже и не живой девушке, которая и после смерти не нашла покоя, их время от времени пробирал нервный мандраж. А уж от представления того, как она в автомобиле горела, и вовсе становилось жутко.

Так что то, что кабинет Свята погрузился в гробовое молчание, где тишину нарушал лишь часовой ход настенных часов, что придавало особую трагичность моменту, – равномерный ход времени заставлял задуматься о том, о чём всё было некогда подумать в этой жизненной спешке, – и то, что никто не решался нарушить это молчание, было более чем закономерно.

Впрочем, всё те же настенные часы послужили и тому, что напомнили Святу о времени и о том, что чтобы не случилось, время не стоит на месте и неумолимо движется в свою неизвестность и понимание этого привело в сознание Свята, и он выше озвученным заявлением нарушил-таки молчание. Ну а то, что он сказал, не требовало ответа, и понять сказанное смог только Фома, что он и понял молча. Свят же внимательно посмотрел вначале на стол, с лежащими на нём дисками взятыми им из кафе, затем посмотрел на Фому и обратился к нему.

– Давай, пока всё не уляжется в голове, не будет делать поспешных выводов из всего случившегося, – а они непременно последуют и скорректируют наш ход расследования, – и лучше займёмся изучением видеозаписей. – Сказал Свят.

Конечно, это только легко сказать, что давай не будем обращать внимание на то, что случилось, когда на деле, абстрагироваться от такой новости вряд ли получится и чувства позволят это сделать. И даже Свят, чьи чувства и эмоции со временем притупились, – каждый день

сталкиваясь с болью и горем, без такой эмоциональной защиты не продержаться на службе, – и то полностью отвлечься не смог бы.

Так та его часть, отвечающая за логическое мышление, в то время когда он занимался изучением видеозаписей с камер наблюдения, в тоже время рассматривала и анализировала последствия этой трагичной истории. Ведь убитую девушку так и не удалось идентифицировать, а после того, как она сгорела и вместе с этим стали утрачены все те улики, которые имели своё место на ней быть и были бы обнаружены при её последующем, более тщательном осмотре, то это будет неимоверно трудно сделать. А что уж говорить о том, чтобы вести расследование и искать того, кто это с ней сотворил. И теперь для них любая зацепка, да с этими же видеозаписями, приобретала новое значение.

Что же касается Фомы, то и он, как и Свят, не мог полностью переключиться от этой новости и приступил к просмотру видеозаписей с тяжёлым чувством и с болью в сердце. Правда по мере просмотра видеозаписей они всё больше вовлекались в процесс изучения и анализа увиденного, и по завершению просмотра видеозаписи всё-таки сумели отвлечься.

Так просмотрев изъятые записи с веб-камер на рабочем столе монитора компьютера, установленного на рабочем столе Свята, который в свою очередь находился в рабочем кабинете всё того же Свята, этот последний упомянутый при данных обстоятельствах человек, но первый в своём кабинете и в этом розыскном отделе оперативник, ничего более банальнее не придумав, отчего становится даже опасно за самого Свята и за то дело, за которое он взялся – с таким уровнем мышления логично будет думать, что преступление так и останется не раскрытым – взял и спросил Фому то, что почему-то все спрашивают после просмотра такого рода кадров. – Ну и что ты на всё это думаешь?

И что спрашивается, на всё это должен ответить Фома, когда ему сейчас, после того как Свят задал ему этот, даже не вопрос, а так мысли вслух, думается только об одном – какого чёрта он задал мне этот вопрос?

А между тем, ответ на этот вопрос лежал на самой что ни на есть поверхности. Свят, таким образом озадачив Фому, всего лишь дал себе время как следует подумать и поразмышлять над тем, что он с Фомой смог увидеть на видеозаписи. И Фоме бы сейчас со всей своей напористостью, тем более для этого есть все предпосылки, продемонстрировать работу мысли и помолчать, чего от него как раз добивался услышать Свят, но нет, Фоме не сидится на месте, и не потому, что ему стул не предложили и он всё время просмотра находился на ногах, а потому что он сам по себе натура неусидчивая и в каждой бочке затычка, и он лезет под рабочую руку Свята со своим ответом.

– То, что им крайне важно знать, что на этой кассете записано. – В один свой выдох, Фома сбивает Свята с хода его мысли, и Свят даже вначале не сразу может понять, что это сейчас было такое, и как посмел стажёр лезть без спросу туда, куда его не просят. Но видимо ход следствия в голове Свята пока шёл, ни шатко, ни валко, и крепкий зацепок у Свята пока не было, раз он не закипел, а вспомнил, что у Фомы есть формальное оправдание этого его поступка – его, как оказывается, он спросил. И Свят отвлекается от своих мыслей и спрашивает Фому. – Ты это к чему?

– А к тому, – Фома, пожалуй, слишком зарывается, в таком дерзком ключе давая ответ, – что если преступник наведется обратно на место преступления, – на этом месте на лице Свята промелькнуло недоумение. Что было замечено Фомой, и он поспешил объяснить эту свою позицию, – Да-да, вы не ослышались (Свят грозно поморщил лоб от таких слишком смелых предположений Фомы), я считаю, что на самом деле место преступления находится не там, в грязной подворотне – там был всего лишь реализован преступный замысел – а по настоящему оно произошло именно здесь, в кафе. Где оно было, возможно даже что спонтанно, задумано и во всех деталях проработано, после чего только и оставалось, как технически выполнить эту задумку. Так вот, – Фома вернулся к тому, с чего он начал, – преступник возвращается на место

своего преступления, не потому, что он такая ностальгическая натура и ему ещё раз хочется пережить момент преступления, а возвращается он назад, в сугубо практических целях. Он хочет убедиться, что ничего не упустил из виду или не забыл. – Тут Фома замолчал, уставившись на сидящего на своём офисном кресле и, смотрящего на него снизу вверх Свята.

– И что же забыл наш преступник? – с показной язвительностью спросил Фому Свят.

– Я не знаю. – Совсем неуверенно ответил Фома и тут же с нарастающей крепостью в словах, добавил. – Но если нам (это «нам» может быть и слишком преждевременно прозвучало, но оно совсем не покорило слух Свята, и из этого можно было предположить, что Свят уже допускал мысль о том, что в случае «висяка», Фома как выразивший желание разделить с ним все лавры славы, а это значит и поражения, разделит их) удастся отыскать то, что он забыл там в кафе, на этом настоящем месте преступления преступник, то мы обязательно схватим его.

– Да ты, как я посмотрю, большой оптимист. – Сказал Свят, изучающе глядя на Фому, чьё лицо находилось на пике своей выразительности – на глаза Фомы с повреждённого носа спустились синяки и он сейчас во все глаза подсвечивал ими – а эти его слова между прочим, можно было трактовать по всякому, и даже если он ничего такого не имел в виду на физиономии Фомы. Впрочем, Свят не задерживается на этом, а спросив Фому, тем самым делает одно важное уточнение. – Ну, а что ты скажешь на то, что у преступника уже есть записи с камер наружного наблюдения?

– Я как понимаю, ему достались записи только с тех камер, которые установлены на улице. А записи с камер установленных внутри кафе достались нам. А это значит, что они для него окончательно утеряны – он же не Терминатор, чтобы соваться к нам – и ему единственное что остаётся, как только вернуться на место своего преступления. – На душевном подъёме сказал Фома. Но у Свята насчёт всего этого есть свои соображения и сомнения (при этом Свят, а за это нужно благодарить Фому, однозначно увлечённый всей энергетикой Фомы, даже и не стал задаваться весьма важными вопросами, а на каких-таких основаниях, он связал всё произошедшее в кафе, с тем убийством в подворотне – хотя возможно, что здесь без своего психологически близкого факта не обошлось – всё так по времени совпало, а оперативники в совпадения уж точно не верят). С чем он в критическом тоне и делится с Фомой.

– Ну а что скажешь насчёт того, что он не такой дурак, которым бы тебе хотелось, чтобы он был? – совсем непонятно для Фомы спросил его Свят. Что и выразилось в его ответном вопросе. – Не понял? – вопросительно так растерялся Фома.

– А что непонятно-то. – А вот пожимающему в ответ плечами Святу непонятно другое, как это Фоме непонятно то, что любому дураку понятно. – Он что, дурак, чтобы соваться туда, где скорей всего его будут ждать.

– Ах, вот вы о чём. – Фома так воодушевленно это сказал, что Святу на одно мгновение показалось, что кто-то его тут принимает за совсем глупого человека. А такого Свят, если Фома немедленно не объяснит в чём дело, терпеть не намерен – Свят сосредоточенно посмотрел на Фому, в ожидании этого немедленно. Ну а Фома итак собирался всё объяснить, к чему он и приступил.

– Я бы, конечно, хотел, чтобы наш преступник был большим болваном, но это к сожалению не так. А вот то, что наш преступник не только экономист, но ещё и хороший счётовод, то это скорей всего так. И я думаю, что он уже раз наткнувшись на нас, посчитает, что если поговорка насчёт не падающего два раза в одну воронку снаряда верна, то почему бы ещё раз не попробовать заглянуть в кафе, в самый неурочный для посетителей час. – Фома замолчал, ожидая от Свята замечаний. Но Свят ничего не сказал, и тогда Фома ещё немного добавил от себя:

– А если есть хоть малая вероятность такого варианта развития событий, то почему бы нам этим не воспользоваться и не подождать его. А как только он заявится в кафе, то тут-то мы и спросим его, чего он тут забыл в такой неурочный час.

– А знаешь, – на этот раз Свят не промолчал, – мне твоё предложение кажется разумным и очень для меня своевременным (Свят не стал уточнять, почему он так сказал – это было для него личное, а в такие вопросы Свят никого не посвящал, предпочитая напиваться в одиночку и самому последними словами поносить эту стерву, которая, сколько он её знает, всё это время его своей стервозностью мучила, а теперь додумалась до того, чтобы он отныне, один в разводе мучился), – я его поддержу. – Сказал Свят, после чего повернулся к столу и, перекладывая из одной стопки бумаги в другую, принялся там из творящего беспорядка делать ещё больший беспорядок. И так до тех пор, пока он не находит нужный лист бумаги на котором изображён какой-то график. Свят с минуту изучает его и, положив его обратно, возвращается к Фоме.

– У нас хоть и ненормированный служебный день, но командировочные на это дело я постараюсь выбить. А это всё значит, что сегодня мы с тобой будем ночевать в машине. Ну что, как ты смотришь на это дело? – спрашивает Фому Свят.

Ну а что может сказать Фома, как только со счастливым видом обрадоваться. И это понятно, ведь Фому дома пока ещё никто не ждёт, и вообще, он не только, как про него очень верно заметил Свят, оптимист по жизни, но и к тому же ещё большой энтузиаст. А такая взрывоопасная смесь, не только Фоме не даёт спокойно жить и когда хочется сильно спать поспать, но и всем тем, с кем он контактирует. Так что Свята ждёт ещё та бессонная ночь.

– Вот и хорошо. Я пока здесь немного поразгребаю свои дела, ты сгоняй в кафе и всё там подготовь для нашего вечернего дозора. – Сказал Свят, указывая на творящийся беспорядок на своём столе. Но кого он хочет обмануть, Фома уже давно догадался, почему на столах оперативников всегда творится такой беспорядок. А для того чтобы было на что сослаться, в случае если его спросит вышестоящее начальство, чем он, бездельник, в данный момент так сильно занят. – Вон посмотрите, разгребаю дела. – В качестве доказательной базы, указывая на стол, с обиженным видом и с тяжёлым вздохом ответит так зашивающийся в чужих, а не своих делах оперативник.

Впрочем, у Фомы дома такой же беспорядок, и он ничего не говорит Святу, ожидая, что он ещё скажет. Свят же в свою очередь думал, что того, что он сказал вполне достаточно и Фоме пора бы уже сглаз долой его покинуть, но тот стоит и чего-то ждёт от него. – Новичок, чего с него ещё взять. – Усмехнулся про себя Свят, поняв причину такой задержки Фомы. А эта задержка тем временем наводит Свята на мысль и на свой вопрос.

– А всё-таки, что мог бы искать наш Экономист в кафе? – спросил Свят Фому. Фома же видимо и сам об этом не переставал думать, правда пока безрезультатно, и поэтому его ответ прозвучал как размышление. – Трудно сказать. – Заговорил Фома. – Да и не зная практически ничего о нашем преступнике, разве вот так поймёшь.

– С психологическим портретом преступника, его кто угодно отыщет. – Перебил Фому Свят. – А у нас времени на это, всего ничего. Время, даю тебе информацию на заметку, почти что всегда находится на стороне преступника (только по своему незнанию и то потому, что он им воспользовался) и следы его преступления замечает. Так что пока мы здесь с тобой сидим, время работает на преступника. Он, как минимум, со временем изменяется. – Но это уже был перебор со стороны Свята (Фома что дитя какой-то, чтобы с ним так разговаривали, да и к тому же Свята повторяется – он уже ему об этом говорил. За этот склероз, Свята можно подловить, если он ещё раз так насчёт Фомы забудется), и Фома не сдержался и перебил его. – Если преступник только не допустил оплошность (а добиться аптекарской чистоты никому ещё не удавалось – человек всегда отождествляется со следом и значит, он всегда оставляет эту память о себе) и как в нашем случае, что-то да забыл на месте преступления. А это значит, что он нервничает и готов допускать новые ошибки.

Свят же вынужден в этом согласиться с Фомой, но только косвенно. И Свят, повернувшись к монитору своего компьютера, перезапускает диск с записями из кафе. И пока поток видео не пошёл на экран, Свят почесав подбородок, задаётся вопросом. – Что же мы могли

упустить из виду? Или может быть, мы не туда смотрели. А? – посмотрев на Фому, спросил его Свят.

– А может не на то? – многозначительно сказал Фома, глядя уже не на Свята, а на появившуюся на экране картинку, где был показан главный зал кафе, по которому так беспорядочно перемещались в разные стороны люди.

– Наверное, такой эффект беспорядка даёт то, что картинка идёт без звука. – Наблюдая за происходящим на экране, рассудил про себя Фома. – Звук, как мне кажется, по-своему упорядочивает жизнь и даёт иное, более что ли красочное её понимание. Не зря же вначале смогли создать движущуюся картинку, а только затем в кино пришёл звук. Зримость это основа всего сущего, тогда как звук или как его выражение слово, есть обозначение этой основы. И беззвучный мир понимается по-своему, по-особенному, и видится совсем не так, как если бы его наполняли звуки. Ведь сами по себе звуки, по своей сути есть звуковые следы, которые возникают при соприкосновении живого организма со средой в которой он находится. Звуки позволяют сориентироваться и не дать столкнуться в пространстве вступающих в нём живым организмам. И не сопровождай бы наш любой шаг звук, то кто знает, куда мы ушли и зашли. И если нам в своём движении пришлось бы ориентироваться на другие данные нам природой инструменты, то мы бы скорей всего, домысливали свои и что хуже, чужие шаги. А это вело бы к недопониманию и к тем последствиям, к которым ведёт всякое недопонимание. – И тут Фому вдруг озарило – он, наконец-то, увидел, а точнее понял, что или кого надо искать.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил Фому Свят.

– Мне, кажется, надо искать человека. – Сказал Фома.

– Не понял. – Удивлённо ответил Свят.

– Наследить можно по-разному. И след о себе можно оставить и в ком-то, в его памяти. – Пространно сказал Фома. Но Свят его понял. – Хочешь сказать, что был свидетель.

– Скорей всего да. – Ответил Фома. – Возможно, что Экономист после совершения своего преступления, перекручивая в своей голове события того дня, видимо и натолкнулся на то, что не входило в его планы – случайного свидетеля. И вполне может быть, что Экономисту всё это только надумалось, но он, как и все преступники мнителен, и значит, пока он не убедится в обратном, то не сможет успокоиться. А чтобы успокоиться, у него один выход. Отыскать того, кто как он думает, увидел то, что не должен был видеть. Вот для этого-то он и заявился в кафе, чтобы получить записи с камер. И если его подозрения получают подтверждения, то и найти того свидетеля. – Выдохнул Фома.

– А ты знаешь, что всё это значит? – вдруг спросил Фому Свят.

– Что? – теперь уже Фома не понимал.

– А то, что если свидетель был, то ему грозит большая опасность. Ведь наш преступник не для самолюбования приходил в кафе за записями, у него определённно есть совсем нехорошие планы насчёт этого свидетеля. – Тревожно для всех проговорил Свят.

– И что же делать? – совсем как новичок повёл себя Фома, задаваясь таким глупым вопросом. Но Фома и был новичком, даже несмотря на то, что он умел делать такие подходящие догадки. О чём прекрасно был осведомлён и Свят, и поэтому Свят не стал у него интересоваться. – Как так-то? Оперативник и задаётся такими вопросами. Да если хочешь знать, то оперативник сам должен преступному лицу таким вопросом задаваться: «Ну и что мне с тобой дальше делать?». А как только тот предложит вместе над этим непростым делом подумать, то как надо за всех подумает. – А Свят оставив на потом (когда Фома, не дай бог, созреет до такого вопроса уже не в стажёрах) все эти свои язвительности, более чем спокойно говорит Фоме: «Не будем спешить». После чего он выдерживает паузу, чтобы насладиться произведённым эффектом нетерпения на лице Фомы, и со словами: «А сейчас, давай ещё раз, уже с новыми настройками пересмотрим запись и попытаемся отыскать того, кто попадает под нашего свидетеля», – переводит всё своё внимание к монитору компьютера. Фома же сочтя всё сказанное

Святом как нельзя разумным, присоединяется к нему, и они начинают по новому пересматривать запись с камеры.

Ну а повторный просмотр от первого просмотра отличается уже хотя бы тем, что он не первый, а это значит, что какая-то в этом есть необходимость, а может даже заинтересованность у тех, кто решился на этот повторный просмотр. Что в свою вытекающее следствие значит, что этот просмотр субъективнее и по своим качественным характеристикам будет иным, чем первый, и в первую очередь отличаться тем, что он проводится более внимательно. К тому же у Свята с Фомой появилось направление поиска и это тоже изменило их взгляд на этот свой повторный просмотр – теперь они обращали большее внимание на людей, нежели на то, что они там в своих сумках под столами оставляли. Правда они и при первом просмотре обращали на них внимание, но только в узком коридоре рассмотрения – они вглядываясь в людей, пытались отыскать убитую девушку, но им ничего на неё похожего так и не встретилось. Впрочем, они могли её и не узнать, что объективным причинам объяснимо.

При этом надо понимать, что у Свята и Фомы в виду их характерных различий и подхода к жизни, имелся свой отличный от всех других и друг от друга взгляд на всё ими увиденное и они всё видели в ином от друг друга свете и качестве. Правда изображенная на экране картинка была в одном сером свете, отчего лица людей, потеряв солнечную красочность, как по мнению Свята, ничего не потеряли, а наоборот, даже приобрели искренности. И теперь они стали куда как лучше читаемы, нежели если бы они отсвечивали своими загарам и румянами лица.

Чему (субъективности понимания) также способствовало и то, что картинка шла без звука, и поэтому многое из всего того что происходило в зале кафе, осмысливалось в зависимости от того, как на то посмотрит и поймёт смотрящий. Так если для Свята та выразительность взгляда вон той, чертовски красивой стервы, определялась в одно пораженческое восхищение: «Чёрт возьми, умеет же с одного взгляда опускаться с небес на землю, и обязательно грешную», – то у Фомы ещё были иллюзии на её счёт: «Да она просто близорукая, и просто таким образом фокусирует свой взгляд на табло с меню».

И тут понятно, что за Свята говорит его огромный опыт взаимоотношения с этими стервами, с одной из которых у него прямо на днях произошёл сердечный разрыв, что тоже наложило на его замечание его категоричности, а в Фоме своё слово взяла его вера в бескорыстные, не приземлённые чувства. Вот почему они оба оказались недостаточно объективны, а вот правы ли, то об этом им так и не суждено будет узнать, если конечно эта стерва не тот самый свидетель, кого они теперь ищут. А вот на этот счёт у Свята и у Фомы было полное единство и понимание. Каждый из них был бы не против, чтобы тем свидетелем, за которым теперь охотится Экономист, была эта стерва. Правда на этом их общие взгляды на свидетеля расходятся, и окончательный итог противостояния с Экономистом ими видится по разному.

– И вот когда эта стерва, оказавшись в тисках кресла для пыток Экономиста, вся истечёт своими гремучими слезами и охрипнет от призывов к богу о своём спасении, которому она пообещает всё что угодно за своё спасение (в том числе исправиться и встать на путь примерной супруги), то тогда я так уж и быть, докурю последнюю сигарету и в один бросок ею в плечо Экономиста, отвлеку его ею на неё и с бокового удара в челюсть Экономисту, спасу эту стерву. После чего я спешить не буду, бросаясь поскорее высвобождать её из пут верёвок. Нет, для начала я ещё раз её спрошу о том, что она тут перед лицом ножа Экономиста обещала и если увижу искренность в её глазах, то тогда лишь освобожу. – Только так видел спасение стервы Свят. – Спасение её из пут Экономиста, чтобы потом она вступила в другие запутанные отношения с другого рода экономистами, то какое это ещё спасение. – Свят определённо знал путь к настоящему спасению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.